

ДЕССА
КАУРИ

ПРИНЦЕССА
ИЗ ОДНОГО МЕСТА

Лесса Каури

Принцесса из одного места

«Автор»

2021

Каури Л.

Принцесса из одного места / Л. Каури — «Автор», 2021

Самыйсокс – классический образец провинциального городка с патриархальным сонным укладом. Его Величество Отис Кармодонский недаром сослал именно сюда непослушную дочь, лишив ее столичных развлечений. У принцессы Альвины прескверный характер. В городке ей скучно, и она веселится, как может, то изводя тетушку, у которой проживает, то являясь в неподобающем виде на балы и приемы, которые устраивает местный сюзерен – герцог Ананакс, то бегая по окрестностям наперегонки с ветром и вопреки всем запретам. Но ситуация меняется после возвращения с чужбины герцогского сына Онтарио. И становится еще запутаннее, когда в Самыйсоксе останавливается кортеж Его Высочества Стича Неверийского, приглашенного в столицу Кармодона на празднование Дня рождения короля Отиса.

© Каури Л., 2021

© Автор, 2021

Лесса Каури

Принцесса из одного места

роман

«Любимый папенька, желаю тебе здравствовать до потери памяти и столько же лет править! Городок Самыйсокс, в который ты меня отправил в наказание за то, что я нацепила твою церемониальную корону на борова Паксуса, вполне себе тепленькое место. (Кстати, не я виновата, что Паксус сбежал из свинарника и носился по дворцовому двору, не сняв корону!). Здесь свежий воздух, вкусная еда, отличный само... самородина. Местные аристократки прелестны, как бабочки, умны, как пробки и громкоголосы, как воробьи на зимнем кусте. Как мы и договаривались (собственно, говорил только ты), спешу сообщить тебе, как прошел мой вчерашний день. Я проснулась поздно, потому что здесь не надо вскакивать ни свет, ни заря, как в столице, чтобы сделать прическу а-ля мадам Отцвелихризантемэ. Любой пучок, который я наверху на макушке, воспринимается местными барышнями последним писком моды, и повторяется уже через полчаса после того, как я покажусь им на глаза.

Я оделась и отправилась завтракать. Кстати, кушать здесь можно, совершенно не заботясь о фигуре, поскольку у местных жителей в чести дамы скорее округлые, чем вытянутые. То, что в столице считается ожирением, здесь воспринимают прямым указанием на здоровье обладательницы. Чем толще дева и ее окружности, тем лучше! В связи с этим у меня совершенно нет проблем с местными молодыми людьми. Они меня, во-первых, боятся, потому что я – твоя дочь, а во-вторых, я не в их вкусе, потому что, по их мнению, худышка. Иногда мне кажется, будь на моем месте Паксус, они получили бы большее эстетическое наслаждение, глядя на него, чем на меня.

После завтрака я изображала пастушку гусей. Магистратский художник, господин Перенос (правильнее будет называть его Красный нос), изъявил желание нарисовать мой портрет для городской галереи, и я не стала отказывать. Ты всегда говорил, цитирую: „Надо уважать чаяния подданных, в бога душу мать их!“

Итак, в полотняном рубище и босая, припевая местный хит: „А я шла-шла-шла, мужика нашла“, я бегала за гусями, но в основном от них, по полю, а милейший Красный нос пытался набросать сие действо на полотне размером с пододеяльник. Он обещал, что на картине одеяние будет преисполнено прелести, моя поза – достоинства, а гуси – понимания важности момента. Полагаю, что так оно и будет, иначе ты прикажешь отрубить ему сначала руки, а потом и голову.

После художественного сеанса я пообедала (как ты помнишь, ни в чем себе не отказывая) и почитала местную газету. Из колонки новостей я узнала, что в псарне герцога Ананакса появились чудесные щенки, цитирую, от „прелестной суки и настоящего охотника“ (интересно, о ком это?). Из колонки рекламы – о том, что гостевой дом „Переночуйка“ открыт кругло-суточно, имеет отличную кухню, постели без блох и клопов, и купальню с водой (а бывают купальни без?). А из экономического обзора, что ты опять повысил налоги, и народ, естественно, этому рад. Затем я вздремнула, после чего стала собираться на один из многочисленных местных балов.

О, папенька, балы в Самыйсоксе – это отдельная тема! Их устраивают все, кому не лень, и иногда даже судятся друг с другом из-за того, кто первый объявил бал в конкретный день и конкретное время. Дабы избежать кровопролития, местный сюзерен, герцог Ананакс (это тот, у которого прелестная сука переспала с настоящим охотником), объявил, чтобы в начале года ему подавали график увеселений. Изменения в него вносит сам Ананакс и только по очень уважительной причине. Как раз сегодня он внес очередное изменение, сдвинув бал в честь

шестнадцатилетия дочери одного из маркизов, и объявив собственный – посвященный рождению щенков. Обещают, что на балу появится герцогский сын Онтарио Ананакс, который обучался за границей, а теперь вернулся домой. Местные девахи, округлые и не очень, ждут молодого человека с дрожжами от нетерпения... коленками (а ты что подумал?), надеясь сделать выгодную партию. Они мне уже все уши прожужжали о нем. Мол, это симпатичный и воспитанный молодой человек, из которого выйдет отличный супруг для девушки, которая знает, чего хочет в этой жизни. Ах, папенька, мне жаль, что дожив до двадцати лет, я так и не поняла, чего же хочу, кроме нового платьица?...»

На этой фразе в комнате раздался оглушительный треск – это сломалась столешница от удара кулака Его Величества Отиса Третьего.

– Зайка, так нельзя, – проворчала от окна мать Его Величества – вдовствующая королева Миневра, – пожалей свои нервы!

– Мама, какие нервы с такой дочерью? – мученически спросил Отис. – У меня не осталось ни нервов, ни почек, ни печени!

– Не сваливай на ребенка вред, причиненный твоему организму алкоголем, – невозмутимо заметила королева и звякнула спицами – она вязала салфеточку под ночную вазу. – Лучше скажи мне, ответил ли согласиём наш возлюбленный друг, король Неверии Панч Первый на твое предложение женить его сына на нашей девочке?

– Пока нет, – буркнул Отис и, поморщившись, продолжил читать вслух: – «Вчерашний бал был по обыкновению скучен, ведь на нем не было „выгодной партии“. Гости много ели и еще больше пили, сплетничали друг о друге, танцевали... Ты знаешь, я говорю всем, что у меня после травмы в детстве деревянная нога, понимаешь, как-то неудобно отказывать юношам, которых отцы заставляют приглашать меня на танец только потому, что я – твоя дочь. А так они сами отвали... отказываются, просят прощения за беспокойство и уходят счастливые. Папенька, ты это имел в виду, когда говорил, что правитель должен делать свой народ счастливым? Если да – тогда я истинно твоя дочь и умница, правда?»

– Деревянная нога? – оторвалась от вязания Миневра. – Как это мило!

– О, боже, боже... – простонал Его Величество и снова взглянул на письмо. – «К завтрашнему балу все девушки потребовали новые платья, поэтому местные швеи и белошвейки сбились с ног, забыв не только о еде, сне, но и об естественных нуждах. Мне нет причины беспокоиться, поскольку еще четыре сундука с платьями, привезенными из столицы, стоят нераспечатанными. Но, честно говоря, я подумываю надеть что-то совсем простое, например, рубище, в котором позировала Красному носу...».

– Надеюсь, там не очень глубокое декольте? – осведомилась Ее Величество.

Отис зарычал и зажевал уголок письма.

– Зайка, вынь бяку изо рта и возьми себя в руки! – укорила мать.

Зайка послушно выплюнул письмо, дрожащей рукой расправил его на колене и продолжил:

– «Вот, думаю, брать ли с собой на бал гусей в качестве антуража? Бабушка (поцелуй ее от меня) однозначно сказала бы: „Да!“, а ты как думаешь?»

– Альвина, мое солнышко! – расплылась в улыбке вдовствующая королева.

– «В общем, вечер был скучен. Ужинать (ни в чем себе не отказывая) я не стала – в меня больше не лезло. Вернувшись домой, я умылась и легла спать, надеясь утром встать пораньше, чтобы написать тебе это письмо и отправить фельдьегерской почтой. Твой поверенный, дядюшка Кевинс, очень мил. Он всегда приходит в одно и то же время, выполняя твое указание забирать у меня ежедневные отчеты о поведении. Если когда-нибудь его найдут мертвым в канаве – не вздумай думать на меня! На сем прощаюсь, мой грозный повелитель и любимый папенька. Не забудь еще раз поцеловать бабушку». Постскриптом: «Как думаешь, может, взять на бал не гусей, а овец? Они такие милые... Твоя дочь, принцесса Кармодона Альвина».

Его Величество бросил письмо на стол и отер пот со лба.

– Девочка отлично проводит время, – заметила Миневра, – гуляет на свежем воздухе, хорошо питается, веселится.

– Ну, если это можно так назвать, – с сомнением протянул Отис, поднялся, подошел к матери и поцеловал ее в щеку. – Это от Альви, мама... – А потом в другую: – А это от меня!

Королева-мать нежно потрепала его по макушке:

– Иди, Оти, поуправляй государством немного. Пожалуй, сегодня за обедом я тоже не стану себе ни в чем отказывать!

* * *

На Неверию наступала осень. Войска ее туч взяли в окружение небо над столицей, а косые дожди топтали землю, как настоящие захватчики. Глядя в окно, Его Величество Панч Первый тяжело вздыхал и отпивал из бокала подогретое вино – по дворцу лазутчиками разгуливали сквозняки.

– Ты хотел меня видеть, отец? – раздался приятный голос.

Король обернулся. В дверях стоял его сын – Стич. Высокий, темноволосый юноша с резкими чертами лицами, которые выдавали как породу, так и темперамент. Породой принц пошел в отца, а темпераментом – в мать. И в этом была проблема. Большая проблема.

– Ты подумал? – спросил Его Величество.

– Нет, – честно ответил принц. В его темных глазах плескалась безмятежность.

Бокал в королевской руке дрогнул.

– Ее Величество – моя мать, говорит, что претендентки чудовищны, – продолжил принц, – и среди них нет ни одной, достойной меня.

Король со стуком поставил бокал на подоконник и вернулся к столу.

– Для меня это не аргумент, сын, – сказал он, усаживаясь в кресло и раскладывая перед собой то, что на первый взгляд казалось колодой карт. – Ее Величество всегда относилась к браку... легкомысленно. Если бы на ее пути не попался настойчивый я, она не вышла бы замуж и до сих пор. Подойди.

Принц подошел. Его Величество бросил на сына короткий взгляд.

– В последние дни ты против обыкновения молчалив, мой мальчик. Что-то случилось? Молодой человек пожал плечами.

– Ты поставил меня перед нелегким выбором, отец. Я раздумываю.

– Ты?! – изумился король. – Раздумываешь? Господи, Стич, неужели я, наконец, дождался твоего взросления?

– Вряд ли... – смутился принц.

Его Величество помрачнел и указал на «карты».

– Вот портреты претенденток. Докажи мне, что они тебя недостойны.

– Я не буду этого делать, – качнул головой Стич.

– Это еще почему? – возмутился король.

– Злословить – нехорошо, – в черных глазах принца запрыгали озорные бесенята.

– Сынок, ты не заболел? Я тебя прямо не узнаю. Подойди, я проверю, нет ли у тебя жара!

– У нашего сына нет жара, Ваше Величество, муж мой, – раздался от двери глубокий сильный голос. Вошедшая женщина была вызывающе красива. Черные глаза блестели, темная грива распущенных волос падала на высокий ворот алого платья. – Просто ты совсем запугал его необходимостью женитьбы. Позволь, я докажу тебе, что эти... дурочки не достойны нашего сына.

– Ты подслушивала, Алара? – с подозрением осведомился король.

– Конечно, милый, – улыбнулась королева, подходя к столу, – а как же иначе, ведь речь идет о будущем нашего мальчика. Вот эта, – она ткнула пальцем в первую картинку, – похожа на жену мясника. Я не могу представить ее лицо и корону вместе. Эта – слишком бледная, ресницы опущены. У нее очень много переживаний. Если переживать станет не из-за чего, уверяю тебя, она их себе выдумает, чем испортит жизнь и себе, и Стичу. Эта – распутна...

– Да? – Его Величество взгляделся в картинку с интересом.

Королева дернула его за ухо и продолжила:

– Эта – глупа, как солонка. Та – откровенно уродлива. И, заметь, это самые знатные девушки нашего королевства! Как видишь, выбирать не из кого, если, конечно, ты не захочешь женить нашего сына на простолюдинке.

Глаза короля блеснули. Он полез во внутренний карман камзола, достал еще одну «карту» и, положив на стол, провозгласил:

– Не захочу, любовь моя. Больше не будет никакого выбора – наш сын женится на этой девушке, хочет он того или нет!

Алара пальцем придвинула к себе карту, и ее брови поползли вверх.

– Шах и мат, любовь моя, шах и мат, – ловя и целуя ее руку, проворковал неверийский правитель.

Королева фыркнула, вырвала руку и выскочила из комнаты.

Его Высочество взял рисунок, и на его лице отразилось изумление.

– Но ведь это... – прошептал он.

– Вот именно! – торжествуя воскликнул король. – Вот именно!

* * *

«Если тебе что-то нужно, Альвина, твоего терпения хватит на всю мою армию!» – всегда говорил отец, и был прав. Я сидела, закрыв глаза и не шевелясь, уже двадцать минут, напоминая самой себе змею в засаде, и ждала, когда же кончится терпение у графини Бабаксы, дальней родственницы моего отца, в доме которой я остановилась, а точнее, меня остановили по приказу Его Величества. Вслух я называла ее тетушкой Селестой, а про себя – Бабайкой. Бабайка была высокой, тощей, и у нее было такое выражение лица, как будто она много лет безуспешно лечилась от запора. Скучный пучок волос на голове обычно украшало перо, которое мне всегда хотелось вытащить и выкинуть в окно, чтобы посмотреть, как оно будет планировать. В общем, милая тетушка была самой скучной тетушкой на свете, какую я только могла себе представить. От нудного звука ее голоса у меня ныли зубы, от наставлений и морали – мозги. Я изводила ее, как могла, но она была настолько глупа, что не понимала этого, принимая все за чистую монету.

– Альви, детка, вам пора собираться на бал к герцогу Ананаксу, – в шестой раз сообщила она таким тоном, будто в первый.

– Увы, я не могу, – страдающим голосом отвечала я, – я молюсь Господу нашему о вашем здравии!

Я чуть-чуть приподняла ресницы, чтобы увидеть в зеркале отражение комнаты, но сначала увидела себя – невысокую блондинку с большими серыми глазами и тонкими чертами лица. Тетушка стояла позади, поглядывала на часики на запястье и нетерпеливо переминалась с ноги на ногу. За ней выстроились служанки, держащие в руках предметы моего туалета.

– Вы хотите пи-пи? – спросила я у тети, открыв глаза. – Так идите, не мучайтесь.

– О чем вы, дорогая? – изумилась Бабайка.

– Мне только что было видение... – мрачным голосом сказала я.

Тетушка изменилась в лице, она ужасно боялась всяких пророчеств, предсказаний и прочей чепухи.

– Вы скоро встретите мужчину... – провозгласила я заунывным тоном. – И он дотронется до вас!

Надо сказать, что Бабайка была старой девой, шарахающейся от любых отношений. Она почитала мужчин порождением дьявола, а женщин, связывающих с ними судьбу – умалишенными.

– Ох! – тетушка схватилась за сердце. – И что же теперь делать?

– Молиться, – обреченно ответила я, – молиться об избавлении от подобной участи. Желательно, в часовне, а не здесь!

– Вы ведь соберетесь без меня, дорогая? – взывала Бабайка, и когда я царственно кивнула, унеслась прочь.

Минус один с моего горизонта!

Теперь следовало разобраться с прислугой.

В последующий час я изводила их придирами к чулкам (не обтягивают!), подвязкам (давят!), панталонам (натирают!), корсетам (не дают дышать!), нижнему платью (что это за тряпка?). В конце концов, я разыграла истерику, сообщила всем, что они свободные до вечера дуры, а я соберусь сама. Бедных девушек как ветром сдуло – мои истерики в финале всегда заканчивались метательными упражнениями.

Откинув белокурую прядь с лица, я с удовольствием оглядела комнату, больше похожую на поле сражения, и полезла в шкаф, где висело рубище прекрасной гусятницы. Или правильнее будет сказать гусеницы?

Рубище было великолепно! Дабы до бала скрыть свою ослепительность, я накинула сверху простой черный плащ. Вышла из комнаты, бесшумно спустилась по лестнице и тут же нырнула под нее – там была неприметная дверца, ведущая в кладовую, окошко которой находилось на уровне земли. Дело в том, что вход в дом графини охраняли дюжие гвардейцы папаши, те самые, что ранее сопровождали меня до места ссылки... отдыха.

Я привычно подтолкнула щедро смазанную мной же оконную щеколду, открыла раму и вылезла наружу.

Упоительно теплый ветер омыл лицо и шею – ниже не позволяли рубище с плащом. Это в Неверии уже была осень, а у нас, в Кармодоне, еще всю царствовало лето.

До замка Ананакса я добралась быстро, поскольку за прошедшее время успела изучить городок, как свои любимые туфли. У парадного входа собралась толпа приглашенных, слышалась привычная ругань на тему, кого церемониймейстер должен объявлять первым, ржали кони и грумы, кареты толкались осями, в общем, мне в моем виде вход туда был заказан. Подумав немного, я обогнула здание и остановилась рядом с калиткой, ведущей на задний двор. Я прекрасно знала, что во время бала и в самый неподходящий момент всегда обнаруживается нехватка чего-нибудь нужного, например, шампанского или креманок для мороженого. Так и случилось. Калитка распахнулась. Из нее выскочил мальчишка с пустой корзиной и помчался в сторону рынка так, словно за ним гнались все приглашенные на бал. Я же проскользнула внутрь и спустя пару минут уже шла по пустым коридорам замка, с интересом оглядываясь – здесь мне еще бывать не приходилось. Музыка и гул доносились сверху, бал проходил в парадных залах, которые занимали второй этаж. Значит, следовало найти лестницу.

– Эй, ты, – вдруг услышала я мужской голос, – не знаешь, где здесь винный погреб?

Я обернулась.

Передо мной стоял широкоплечий голубоглазый блондин с привлекательными ямочками на щеках. У него было приятное лицо, пухлые губы, в принципе, его можно было бы даже отнести к красавчикам, если бы не волчье выражение глаз, которые при такой внешности обязаны были источать безмятежность.

В звуках бала я как-то совсем позабыла, что выгляжу вовсе не Ее Высочеством, и то, что незнакомец обратился ко мне на «ты», меня крайне возмутило.

– Вы на кого шуршите, юноша? – приподняв одну бровь, как это делал мой отец в минуты крайнего негодования (до того момента, когда начинал орать и крушить все вокруг) спросила я. – Вы на кого булочку крошите?

– А ты забавная, замарашка! – хмыкнул блондин.

Он широко шагнул и вдруг оказался совсем рядом, сгреб меня в охапку и поцеловал.

От силы его губ и жаркого дыхания я опешила. Целоваться я, конечно, умела, но прежде инициатором поцелуев всегда была я (другие инициаторы могли потерять голову на плахе, узнай отец об этом). Незнакомец целовал умело и с удовольствием, и на самую долю секунды я даже получила это удовольствие... А потом, опомнившись, попыталась оттолкнуть его от себя. Но не тут-то было. Он пробормотал что-то вроде:

– Какая сладкая девочка...

И бесстыже полез мне под юбку.

Пытаясь удержать его одной рукой, я в ярости зашарила вокруг другой. Сначала попался только воздух, однако затем я нащупала вазу, стоящую на постаменте. Ваза была тяжела, но гнев придал мне сил. Раздался грохот, громкое: «Твою ж мать!» и звук разбитого стекла.

Тяжело дыша, я отскочила в сторону. Завязки плаща в порыве борьбы развязались, и он упал на пол, явив незнакомцу меня во всей красе «бального» наряда.

– Слышь ты, болезная, я тебя выпорю! – взревел блондин, держась одной рукой за макушку, а вторую протягивая ко мне. – Настоящими ивовыми розгами по твоей округлой, нежной, розовой...

– Хрена тебе лысого, а не округлую, нежную и розовую! – вежливо пожелала я, развернулась и понеслась прочь.

Блондин неожиданно захохотал. Ну и кто, спрашивается, тут болезный?

Однако затем раздался топот сапог, из чего я сделала вывод, что наказание неотвратимо меня нагоняет. Кошкой, удирающей от дворового пса на дерево, я взлетела по лестнице, обнаружившейся в конце коридора, распахнула двери с позолоченным орнаментом и... ворвалась в бальную залу. Громко играющая музыка при моем появлении утихла, пары растерянно остановились... Все взгляды были направлены на меня.

Я заметила, как торопливо поднялся со своего места под балдахином герцог Ананакс и направился ко мне, широко улыбаясь и делая вид, что не замечает моего наряда. Светская выдержка у старого лиса была еще та!

– Моя дорогая принцесса, а мы уж заждались вас! – воскликнул он, радушно раскрывая объятия. – Как вы добрались?

– Пешком, – пояснила я, краем уха слыша приближающийся грохот каблуков, – как видите, я очень торопилась на празднество, Ваша Светлость, и не успела причесаться.

Надо сказать, что в ходе потасовки с незнакомцем моя прическа растрепалась и теперь напоминала воронье гнездо.

– Вам все к лицу, Ваше Высочество, – улыбнулся герцог, – не желаете ли танцевать?

Я не успела ответить, потому что в залу влетел мой преследователь, едва не сшибив Его Светлость.

– Вот ты где, замарашка! – прошипел блондин. – Ну я тебя...

Герцог изо всех сил вцепился в локоть незнакомца, однако приятная улыбка так и не покинула его лица, и я в очередной раз восхитилась выдержкой Его Светлости.

– Онтарио, вот и ты! – вскричал Ананакс. – Сын мой, я хочу представить тебя Ее Высочеству Альвине, принцессе Кармодона.

– Где она? – буркнул блондин, явно недовольный вмешательством отца.

Я мило улыбнулась и захлопала ресницами.

– Да вот же! – изумился герцог. – Ваше Высочество, позвольте представить вам моего сына, Онтарио, который только вчера вернулся из Неверии, где обучался международным отно-

шениям. Спешу заметить, что его преподаватели были им чрезвычайно довольны! Я очень надеюсь, что у Онти в ближайшем будущем появится возможность достойно послужить Кармодону.

И он выжидающе уставился на меня. Ох и хитер, лис Ананакс! Уже и тропы прокладывает во дворец.

Охальник Онти все это время стоял, в изумлении открыв рот. Глупейшее выражение лица! Неожиданно я рассердилась на него – отец, понимаешь, старается пристроить сына, как и положено настоящему родителю, а этот винные погреба разыскивает?

Величественно подала младшему Ананаксу руку для поцелуя. Величия в моем жесте было столько, что оно едва не вдавило его в пол.

– Рада познакомиться с вами, милый юноша, – проворковала я. – Преданные люди нужны Кармодону везде, особенно в винных погребах!

В глазах Онтарио вспыхнул мрачный огонек, однако к протянутой руке «юноша», который был явно старше меня, прикоснулся губами нарочито бережно.

– А причем тут винные погреба? – растерянно спросил герцог.

– Шутка! – мурлыкнула я и выдернула пальцы из ладони его сына. – Ваша Светлость приглашали меня на танец? Так идемте!

– Конечно, Ваше Высочество. Почту за честь!

Герцог склонился в изящном поклоне, после чего повел меня сквозь толпу в середину зала, где пары так и стояли бездвижно, наблюдая за нашим маленьким спектаклем.

Я не оглядывалась, однако спиной ощущала разъяренный взгляд младшего Ананакса. Вот это темперамент! А говорили, что он «воспитанный» и вообще милашка.

Мы с герцогом лихо сплясали первый танец, после чего я отправилась «отдышаться». Точнее, к столам с легкими закусками и выпивкой, сервированным у одной из стен зала.

– Ваше Высочество, вы выглядите просто восхитительно! – раздался неприятный голос.

Даже не глядя в его сторону, я узнала ту, которой он принадлежал. Аманда Кивис, дочь графа и графини Кивис, до моего появления в Самыйсоксе считалась первой красавицей. Высокая блондинка с правильными чертами лица, вызывающе синими глазами и алым ртом, выдававшим нешуточную страстность натуры. Ее цвет волос был немного рыжее моего.

– Этот изысканный наряд, эти великолепно уложенные волосы! А запах от Вашего Высочества такой же изысканный? Какими духами вы воспользовались сегодня? «Мечта свинаря» или «Помойные страсти»?

Аманда всегда говорила, что думала, и отстаивала свое мнение с решимостью наемного убийцы. При дворе папеньки явно не хватало таких людей.

Я повернулась к ней. Окружавшие девушку подружки-прихлебалки из менее знатных аристократических семейств вспорхнули и разлетелись по залу, сделав вид, что вспомнили нечто важное. Аманда же ждала меня, вскинув голову и раздувая ноздри. То, что она, в отличие от подружек, меня не боялась, невольно вызвало во мне два чувства. Первым было уважение. «Достоиному – достойный противник!» – так говорил папенька. А вторым – недоумение. Может быть, она просто дура и страха не ведает?

Остановившись, я принялась холодно разглядывать Аманду. Через пару мгновений она склонилась передо мной в реверансе. А еще спустя несколько долгих минут (настолько долгих, что у нее задрожали ноги) я величественным жестом позволила ей подняться и осведомилась тоном моей обожаемой бабули, вдовствующей королевы Миневры:

– Отчего вы не танцуете, милочка? Среди здешних молодых людей нет достойных вас юношей? В чем же здесь дело? В знатности или в толщине их... кошельков?

Я ждала резкого ответа, однако неожиданно Аманда закусил губы, неуклюже присела в реверансе и бросилась прочь. С сомнением посмотрев на канапе с гусиным паштетом, оставленным ей на десертной тарелке, я предпочла ему соленый огурец.

Быстрая полька, звучавшая ранее, сменилась менуэтом, под который я намеревалась прикончить огурцы – они оказались чудо как хороши! Однако планам не суждено было сбыться, потому что перед моими глазами возник бокал с прозрачной жидкостью.

– Воды, Ваше Высочество? – услышала я. – После такой еды, как правило, очень хочется пить.

Я повернулась к Онтарио и снова отметила, как не вяжется острый взгляд его голубых глаз с безмятежным выражением лица. Очередной огурчик хрустнул на зубах, вызвав ассоциацию: воздушное пирожное с острым перцем внутри.

Взяв бокал, я поднесла его к губам, однако вовремя спохватилась. Пахло из бокала не водой, а чистейшим кармодонским самогоном. Запах был мне знаком – папенька иногда баловался этим «нектаром бешеных пчелок», как он выражался.

Я посмотрела на Онтарио. Он наблюдал за мной, хищно раздувая ноздри.

– Хотите спойте наследницу престола? – осведомилась я, возвращая бокал. – Это государственная измена.

Младший Ананак выдул самогон, даже не поморщившись, и пояснил:

– Прошу прощения, моя принцесса, но я подумал, что после сцены в коридоре вы не захотите со мной танцевать. Между тем менуэт – танец, который создан для особ королевской крови, следовательно, вы мне вполне подходите, как партнерша.

Я подавилась воздухом. Нет, каков хам, а? Я ему подхожу, видите ли! Схватив Онтарио за руку, я потащила его в круг танцующих. Сейчас я ему устрою!

Заиграла музыка. На третьем такте я, мстительно улыбнувшись, наступила мужчине на ногу и осталась стоять только на каблуке, впившемся в мысок его ботинка.

– А вы страстная, – прошептал он мне на ухо, поднял меня за талию и продолжил танцевать, удерживая на весу. – Молю простить мой ботинок, так неудачно подвернувшийся под ваш каблук! – громко воскликнул он. – Я такой неуклюжий... Отец танцует гораздо лучше меня, думаю, ему здесь нет равных.

– Немедленно поставьте меня! – прошипела я. – Я вам не белье, которое требуется встряхивать перед тем, как повесить.

– Я люблю белье, особенно женское, – усмехнулся сукин сын из Самыйсокса – Его так приятно ощущать под ладонями... Открою вам тайну, Ваше Высочество, тут главное, чтобы не подвело тело, которое окажется под бельем. Как вы считаете?

Мне казалось, от ярости я сейчас разорвусь на сотню маленьких злобных принцесс, но куклой болтаясь в его неприлично крепких руках, я ничего не могла сделать. Не бороться же с ним на глазах толпы?

– Мне вполне ясны причины вашего интереса, – ослепительно улыбнувшись, заговорила я. – Видите ли, я тоже люблю хорошее белье, а мои размеры идеальны, поэтому королевские беловшвейки без труда создают для меня настоящие шедевры. Увы, но ваши размеры совершенно не подходят под женские лекала! Если вы желаете носить его и дальше, вам надо как-то посушить плечи и нарастить по... э-э-э... корму.

Младший Ананак закусил губы и пару минут помолчал.

– Разве эта простая мысль не приходила вам в голову? – воодушевленная собственным успехом продолжила я. – Малоподвижный образ жизни и диета, богатая углеводами и жирами, вам в помощь. Если хотите, я попрошу дворцового повара прислать вашему отцу список любимых Его Величеством высококалорийных блюд и десертов.

– Грешно смеяться во время менуэта, – пробормотал Онтарио. Музыка как раз начала стихать. – Ваше Высочество, вы подарите мне следующий танец?

– Вы отвратительно танцуете, поэтому – нет! – отрезала я. – А теперь отпустите меня.

Поскольку танец закончился, и на нас начали коситься, мужчина осторожно поставил меня на пол. Он собирался что-то сказать, но я уже смешалась с толпой, а затем и вовсе укры-

лась за портьерой, что закрывала выход на балкон. Я просто кипела от ярости! Жаль, что под рукой не оказалась еще сотня ваз, подобных той, что я разбила об голову этого мерзавца внизу под лестницей. Они все, все до единой полетели бы в его наглую рожу!

Я с наслаждением представляла себе, как осколки погребают Онтарио Ананакса, и даже видела его руку, вскинутую в умоляющем жесте, как вдруг услышала чей-то плач. Обернувшись, увидела через оконное стекло изящную фигуру в бальном платье. Девушка стояла в самом углу балкона, зарыв лицо руками, ее плечи тряслись от рыданий. Поскольку наряд я узнала еще до того, как увидела лицо, моему изумлению не было предела. Неужели это Аманда Кивис, которая давеча дерзила мне, наследной принцессе Кармодона?

Мне ужасно хотелось добить ее язвительной речью, но, прислушавшись к плачу, я передумала. Потому что плакала красотка горько и совершенно искренне.

Я тихонько вышла на балкон, подошла к ней и дотронулась до плеча. Она обернулась так резко, что я успела увидеть отсвет надежды, осветившей ее лицо. Впрочем, надежда угасла так же стремительно, как и появилась.

– Ваше Высочество, – пробормотала Аманда, поспешно утирая слезы и делая попытку сбежать. – Прошу меня простить!

Но я удержала ее.

– Что с вами? Почему вы плачете? Вас кто-нибудь обидел?

Несколько мгновений она молчала, шмыгая носом как простая девчонка. Я бы не удивилась, если бы она ответила: «Это были вы, Ваше Высочество!», однако она отвела взгляд и потерянно пробормотала:

– Какая вам разница?

– Никакой, – честно ответила я, – но я не терплю, когда кого-то обижают. Отец говорит – это у нас фамильная черта. Вы – задавака и стерва, Аманда, но сейчас вы о чем-то горюете. Если я могу помочь вам – я готова.

Пока я говорила, она смотрела на меня во все глаза, а когда замолчала, – судорожно вздохнула и словно в омут с берега бросалась выпалила:

– Вы застали меня в минуту слабости, Ваше Высочество! Пожалуй, вам, чужому человеку, мне будет легче излить душу, чем тем, кто называет себя моими подругами. Уверена, если вы и будете злорадствовать, то не в такой степени, как они.

– Да вы разбираетесь в людях, – засмеялась я, и она нерешительно улыбнулась, – давайте-ка сбежим в сад, где никакие любители танцев нас не найдут, и вы мне все расскажете.

Она как-то странно посмотрела на меня, но кивнула.

Мы покинули бальный зал и спустились в сад, полный благоухания роз. Розы в Самый-соксе боготворили. Местные хозяйки хвастались друг перед другом не пышностью хлебов или тучностью домашней скотины, а цветением розовых кустов.

Мы устроились на скамейке, под густо усеянной бутонами и шипами аркой. Аманда, достав из поясной, расшитой жемчугом сумочки платочек и зеркальце, привела в порядок лицо, сложила руки на коленях, как примерная ученица, глубоко вздохнула и заговорила.

– В одном маленьком городке жили-были мальчик и девочка. Их семьи дружили между собой, не удивительно, что и они много времени проводили сообща. Они играли в одни и те же игры, занимались с одними и теми же учителями, читали одни и те же книги. Им было хорошо вместе, когда они были детьми, но однажды они поняли, что и по жизни хотели бы идти рука об руку. Их семьи всячески поддерживали такое решение. Однако отец мальчика поставил условие – мальчик, точнее, уже юноша, должен был обучиться делу, полезному для дальнейшей карьеры при дворе. Свадьбу планировали после его возвращения...

У Аманды был приятный голос, она говорила так, словно рассказывала какую-то сказку. Я слушала ее с удовольствием, но, к сожалению, догадывалась, о ком идет речь.

– ...И когда стало известно, что он, наконец, возвращается, девушка не находила себе места от радости. Но...

Я вздохнула, вспоминая треск вазы об голову одного негодяя.

– ...Он вернулся совершенно другим, – голос Аманды дрогнул. Я думала, она опять заплачет, однако блондинка, похоже, вполне справилась с «минутой слабости».

– Онтарио Ананакс? – уточнила я, хотя можно было и не уточнять.

Аманда обреченно кивнула.

– Он прилип ко мне, как банный лист к... гм... и уже успел получить за это! – искренне возмутилась я. – Поверьте, Аманда, у меня нет никакого интереса к нему. А его интерес ко мне может быть продиктован только карьерными устремлениями.

– У Онти никогда не было карьерных устремлений! – порывисто воскликнула Аманда. – Все, чего он хотел, изучать историю, владеть большой библиотекой и быть рядом со мной! Конечно, он послушался отца и уехал в Неверию, и наверняка, Его Светлость сделает все, чтобы сына приняли при дворе. Но самому Онти это не нужно! Он всегда говорил, что блистать должна я, а ему достаточно быть моей тенью.

– Как благородно, – пробормотала я.

– Я просто не понимаю, что происходит, – покачала головой Аманда. – Не знай я его раньше, он бы, пожалуй, заинтересовал меня – такой наглый, уверенный в себе и циничный. Но это не мой Онти!

– Значит, свадьба отменена?

– Мы собирались поговорить о свадьбе после его возвращения, – Аманда совсем сникла, хотя и старалась держать спину прямо, – а теперь он смотрит на вас так, словно хочет съесть.

– И вы по-прежнему хотите выйти за него?

– Я мечтала об этом все детство и всю юность! – тихо сказала она и отвернулась.

Разглядывая ее красивый профиль, я раздумывала о том, что это: настоящая любовь или настоящая глупость? Однако, чем бы это ни было, Аманда вызывала у меня все большую симпатию – с ней было не скучно в самом скучном из городов Кармодона.

Я встала и потянулась. «Венценосцы должны устраивать счастье своих подданных!» – так говорил папенька, подписывая очередной указ о повышении налогов.

– Давай устроим твое счастье! – сказала я. – Я – умна, привлекательна и коварна, ты вроде тоже умом не пастушка... Что мешает заманить «наглого, уверенного и циничного» Онтарио Ананакса в наши сети? Главное, дотащить его до алтаря, а после сама как-нибудь разберешься!

Аманда пораженно смотрела на меня, затем выдавила:

– Вы... Вы это серьезно, Ваше Высочество?

Я улыбнулась. Ну наконец-то ссылка в провинциальный городок обещает что-то интересное!

– Друзья зовут меня Альви и вне протокола обращаются ко мне на ты, – я протянула Аманде руку. – Будем друзьями? По крайней мере, до твоего замужества.

Она порывисто вскочила и сжала мою ладонь.

– Вы... Ты вселяешь надежду! Думаешь, у нас получится?

– Я-то в любом случае замуж не собираюсь, – пожала плечами я, – ни за Онтарио, ни за кого другого. А ты – наоборот, спишь и видишь себя будущей герцогиней Ананакс. «Когда объединяются красивые женщины – войны заканчиваются» – так говорит бабуля.

– Бабуля – это Ее Величество вдовствующая королева Миневра? – округлила глаза Аманда.

– Точно! – засмеялась я. – Мне повезло с родственниками.

Разговаривая, мы вышли из-под арки и направились в сторону замка. Я еще не приступила к составлению злодейского плана, размышляя над тем, что же такое любовь – величайшее благо или величайшее зло?

* * *

На прекрасном лице королевы Алары застыла глубочайшая скорбь. Она устроилась на стуле у ложа Его Величества, удобно положив ножки в бархатных красных туфельках на подставку из золоченого дерева, и периодически тяжело вздыхая, меняла примочки с лекарственными травами на царственном лбу мужа.

Двери распахнулись без стука, и в спальню быстро вошел принц Стич.

– Отец, вы звали меня? Как вы себя чувствуете?

Король и королева переглянулись. Алара пощупала лоб мужа и поднялась.

– Иди сюда, мой мальчик, сядь рядом с отцом.

– Отец... – повторил принц, опускаясь на стул.

В его голосе прорвалось сильное волнение.

– Ну-ну, сын, это обычная простуда, – слабо похлопал его по руке король. – Мне, конечно, приятно твое волнение, но неужели я так плохо выгляжу?

Алара, остановившаяся у окна к ним спиной, кашлянула. Король покосился на нее и повторил:

– Не надо волноваться, сын, я отлежусь и скоро вновь буду, как новенький, ведь твоя мать не позволит, чтобы со мной случилось что-то плохое. Управление государством – дело серьезное, когда-нибудь и ты узнаешь об этом, оно требует неустанного внимания и, иногда, присутствия. И вот с последним у меня сейчас проблемы.

– Я могу помочь? – спросил принц.

– Ты предложил помощь? – воскликнула, оборачиваясь от окна, королева. – О-о-о, мой малыш!

– Он предложил помощь? – поинтересовался у нее король. – Не может быть!

Алара незаметно погрозила ему кулаком, и Его Величество тут же натужно закашлялся. Все еще кашляя, он потянул из-под подушки свиток, перевитый золотым шнуром с сургучной печатью, и протянул сыну.

– Прочти.

Стич развернул свиток и быстро пробежал его глазами.

– Кармодон? – взволнованно произнес он, возвращая свиток отцу. – Если опустить все тонкости дипломатического языка, тут говорится, что ты приглашен на празднование дня рождения Его Величества Отиса Третьего, и он будет крайне огорчен, если ты не примешь приглашение и не приедешь лично.

– Никуда он не поедет! – отчеканила Алара. – Посмотри, у него жар.

– Но целители, возможно... – начал было принц.

– Он будет ослаблен после болезни, а во дворце Отиса отвратительно топят – это всем известно, – всплеснула руками королева. – Нет, сын, это не вариант.

– Обижать соседей тоже не вариант, – осторожно заметил принц.

– Совершенно верно! – просипел Панч Первый, измученный кашлем. – И именно поэтому вместо меня поедешь ты. Мое здоровье будет в безопасности, а репутация Неверии – спасена, ведь ты – мой единственный сын и наследный принц.

– Ну... хорошо, – растерянно произнес принц, – я поеду.

– Вот и отлично, – Ее Величество подошла к сыну и поцеловала его в макушку. – Иди, собирайся, не мешай отцу болеть!

Стич поднялся, поклонился и вышел из комнаты.

– Ни возмущения... – пробормотал король, глядя на жену.

– Ни воплей и ругательств, – кивнула она. – Мальчик вырастет, любимый. Когда-нибудь он станет таким же достойным королем, как и ты.

– Ну я-то, кроме всего прочего, был достойным сыном и никогда не приносил огорчений своим родителям, – хмыкнул Панч. – Принеси мне воды, дорогая, я так артистично изображал кашель, что, кажется, ободрал горло.

Тонкие пальцы королевы коснулись его губ.

– Сейчас ты выпьешь воды, любимый, и я сделаю тебе растирание... – с придыханием произнесла Алара.

– Растирание чего? – осипшим голосом уточнил король.

– Чего-нибудь полезного для управления государством, – ослепительно улыбнулась Ее Величество и принялась расстегивать жемчужные пуговицы на лифе платья.

Панч жадно следил за ее движениями. А затем вдруг изменился в лице:

– Любовь моя, а если он догадался, что я притворяюсь больным?

Пальцы королевы выпустили очередную пуговичку.

– Знаешь, – задумчиво сказала она, – он в последнее время весь в своих мыслях. Наверное, действительно, взрослеет. В любом случае, Стич дал согласие, поэтому деваться ему некуда – поедет в Кармодон! А там уж Отис сделает все, чтобы свести его со своей дочерью. Ведь он заинтересован в этом браке так же, как и мы.

* * *

«Любимый папенька, желаю тебе сто лет здравствовать и столько же править (если сам захочешь)! Представляю, сколько у тебя дел в преддверии твоего Дня Рождения. Мне жаль, что я не буду участвовать в подготовке этого замечательного праздника, как раньше, ведь ты не разрешаешь мне вернуться в Тессу. Я уже скучаю по нашей столице. Закрываю глаза и вижу праздничную иллюминацию на улице, все эти сердечки, голубков, звездочки и твои портреты, которыми горожане щедро украшают стены домов, столбы, телеги и мусорные баки. Слышу, как министры, придворные и главы магистратов зубрят приветственные речи, которые из года в год повторяют друг друга и состоят из одних и тех же слов. Надеюсь, хоть произносят они их искренне! Несмотря на глубокую жо... провинцию, в которой я сейчас нахожусь по твоей воле, папочка, отголоски будущего празднества докатились и сюда, весьма оживив обстановку. Первую весточку принес фельдъегерь, который прибыл в Самыйсокс на взмыленной лошади и сразу направился к герцогу Ананаксу. Он так торопился, что забыл спешиться, но охрана герцога вовремя спохватилась, точнее, спохватила лошадь. Курьер и Его Светлость говорили за закрытыми дверями не более нескольких минут, а слухи уже начали расползаться. Выдвигались всяческие предположения. Самым первым из них оказалась твоя смерть. Прости, папочка, но ты просил меня быть максимально честной в своих отчетах. Одни утверждали, что ты попил холодной воды из ручья во время охоты и простудился, другие – что во время той же охоты на тебя напал вепрь и смертельно ранил. Третьи намекали на отравление компотом (даже не знаю, пьешь ты на охоте компоты или предпочитаешь что-то покрепче?), четвертые прямо утверждали, что был совершен террористический акт с участием магов из Неверии, с которой у нас установлены прочные дружественные отношения. Примерно к полудню о тебе забыли и начали обсуждать эпидемию неизвестной смертельной болезни, от которой уже, цитирую: „передохли приграничные поселения“. Его Светлость Ананакс загадочно молчал все утро, хотя придворные заметили (придворные все замечают), что к герцогу были в спешном порядке вызваны шеф охраны, личный повар, глава магистрата и начальник городской стражи.

Я присутствовала при этом, поскольку герцог любезно пригласил меня и тетюшку Бабайку на завтрак, где разливался соловьем о том, как талантлив его сын Онтарио Ананакс и как хорошо он учился в Неверии (той самой, с которой „прочные“ и „дружественные“). Герцог просто жаждет видеть сына при дворе, а он очень упорен в том, чего хочет.

Итак, к обеду Ананакс не выдержал. Придворным было объявлено о том, что через Самыйсокс в Тессу проследует делегация из Неверии, которую возглавляет, угадай, кто? Его Высочество наследный принц Неверийского королевства Стич! Тут-то все и вскрылось. Компота (или чего покрепче), как оказалось, на охоте отведал Его Величество Панч Первый, после чего был ранен вепрем и заболел неизвестной венерической болезнью. Сильное недомогание не позволяет ему посетить твой День рождения лично, уверена, к величайшему его сожалению, поэтому он направляет к нам сына. Наверняка твои шпионы доложили тебе и о компоте, и о визите принца еще до того, как эти события произошли, но здесь, в Самыйсоксе, новость произвела эффект разорвавшегося пушечного ядра. Герцогский замок наводнили толпы местных жителей, желающих напомнить о себе и выпросить приглашение находиться при дворе Ананакса в период присутствия Его Высочества. По улицам бегали служанки с вытаращенными глазами, сметая из магазинов и лавок все, что имело отношение к одежде и украшениям. В местном монастыре сестры-белошвейки не легли спать, то ли были слишком возбуждены известием, то ли намеревались отшить рекордную партию дамского нижнего белья. В ближайшие населенные пункты направились обозы для сбора провианта – свиту принца предстоит прокормить, как ты понимаешь, и прокормить так, чтобы и принц, и свита остались довольны. Как говорит бабуля: „Армию прокормить легче, чем свиту!“, и я с ней совершенно согласна.

Уже ближе к вечеру герцог собрал ближайших придворных и самых влиятельных аристократов провинции на тайное совещание, о котором сразу стало всем известно. Обсуждалась увеселительная программа для принца, состоявшая из бесконечной череды пиров, балов и даров. С последними выходило не очень. Сначала было решено подарить принцу лучших представителей помета от прелестной суки и настоящего охотника, но потом Ананакс сообразил, что тащить с собой в Тессу щенков то еще удовольствие, и от этой идеи отказался. Принцу преподнесут шпагу, украшенную гербами Кармодона и Неверии, – в качестве символа вечной дружбы. Думаю, если принц любит поесть и потыкать в кого-нибудь шпагой, в Самыйсоксе ему понравится. Мне же его визит не несет ничего, кроме скучных совместных присутствий на не менее скучных празднествах. Впрочем, о себе я позабочусь сама... Нежно целую тебя, папочка! Поцелуй бабушку. Твоя дочь, принцесса Кармодона Альвина».

Закончив писать, я принялась задумчиво покусывать верхушку пера. Бабуля долго отучала меня от этой привычки, шлепая по рукам. Но сейчас бабули рядом не было.

Моя мама, королева Есения, умерла, когда мне было пять лет, и бабушка заменила ее, насколько это возможно. Даже не представляю, что случилось бы с королевством, если бы она не взяла управление им в свои руки на те несколько месяцев, в которые отец предавался отчаянию, позабыв обо всем, и в том числе, обо мне. Я давно перестала обижаться на него за это! И я, и он искренне и глубоко любили маму, оставшуюся в нашей памяти светлым ангелом. Когда отец пришел в себя, всю нерастрченную нежность он отдал мне, но именно в те несколько месяцев я пришла к выводу, что проблемы надо решать самой, ни на кого не полагаясь. Возможно, это был слишком взрослый вывод для маленькой девочки, однако я была той, что есть, и другой быть не собиралась.

От воспоминаний мысли плавно перетекли к Аманде и ситуации с Онтарио. Парень заслуживал хорошенького наказания, а Аманда таковым являлась. Эта девица знала, чего хочет, и не боялась добиваться желаемого, чего бы это ни стоило. В этом мы с ней были похожи.

Во время бала у Ананакса мы договорились увидеться, чтобы обсудить план действий. Как выяснилось немного позже, такая возможность представилась: герцог приглашал нас на завтрак, о чем было сообщено в письме, принесенном служанкой. Раздумывая, что же такое надеть (от наряда прелестной гусятницы я слегка устала), я направилась в купальню, как вдруг услышала голос тетушки. Я впервые слышала его столь сердитым, поэтому поспешила накинуть пеньюар и спуститься с лестницы.

Бабайка застыла у входных дверей, изогнувшись, словно знак вопроса. А в дверях маячило что-то совершенно восхитительное. Моего носа достиг запах пуффлей – оранжевых плодов из Неверии, которые, к сожалению, в Кармодоне были большой редкостью. Они имели кисло-сладкий вкус и прекрасно освежали.

– Нет, нет и нет! – возмутилась тетушка. – Это какой-то ужас, а не букет! Ее Высочество такое никогда не примет! Господи, я даже не думала, что у сына Его Светлости такой дурной вкус. Что это за елки? Что это за палки?

– Ваше Сиятельство, это не елки, а еловые ветви, – донесся из-за огромного сооружения полузадушенный голос посыльного, – кои должны естественным образом отенить цвет и аромат пуффлей.

– Что здесь происходит, тетушка? – вмешалась я. – К чему этот куст?

– Ой, Ваше Высочество... – Бабайка присела в реверансе, умудряясь спиной не терять «вопросительности», – мне стыдно сказать, но Онтарио Ананакс прислал этот, прости господи, «букет», чтобы выразить свое восхищение знакомством с вами.

Волшебный аромат еловых ветвей и пуффлей окутал меня, будто теплым одеялом, возвращая в детство. В то время, когда была жива мама...

– Господин Онтарио также просил передать Вашему Высочеству, что восхищен вашей красотой, грацией и нарядом на балу, – забубнил из-под «букета» посыльный. – Он просит оказать ему честь на следующем балу стать его партнершей и предлагает подобрать соответствующие костюмы для вас обоих.

– Похоже, мальчик совсем сбрендил за границей, – прошептала мне на ухо Бабайка, – вот к чему приводит стремление к саморазвитию.

Мне ужасно хотелось схватить «букет» и убежать с ним в комнату, чтобы поставить у окна, сесть в кресло рядом, закутаться в плед и предаться воспоминаниям, накопившим так неожиданно. Но, к сожалению, для принцесс долг превыше всего.

– Вы ошиблись адресом, уважаемый, – холодно сказала я и незаметно для Бабайки сунула в одну из рук, держащих куст, монету (чего только не завалилось в карманах моего пенюара!), – этот букет предназначен не мне, а дочери графа Кивис – Аманде. Должно быть, Онтарио оговорился, назвав мое имя – как вы понимаете, с моим именем такое часто происходит. Доставьте ей букет без промедления! Думаю, Аманда с величайшим удовольствием согласится составить молодому человеку пару на следующем балу.

Посыльный потоптался на месте, но монета была слишком весомой (в моих карманах других и не водилось), чтобы не выполнить приказ. Спустя несколько минут дверной проем опустел, а я едва сдержала вздох сожаления.

– Ужасная глупость со стороны молодого Ананакса, правда? – спросила тетушка. – А какой чудовищный вкус! Если бы не эти оранжевые экзотические ягоды, это был бы букет для бедняков. Такие ветки каждый может надергать в лесу.

– Фрукты, – задумчиво пробормотала я.

Идея «надергать веток в лесу» становилась все более привлекательной. Жаль, в доме тетушки не было пуффлей!

– Что?! – изумилась Селеста.

– Пуффли – это фрукты, а не ягоды.

Весь последующий утренний туалет я выслушивала рассуждения графини о том, что молодым людям не следует стремиться к заоблачным высотам и покидать родину, чтобы учиться где-то еще, ведь в Кармодоне все есть.

Отчасти тетя оказалась права, в нашей стране было много чего. Например, знаменитый Волонтарский водопад, струи которого по прихоти природы окрашивались в разные цвета. Или Большой планетарий, находящийся под патронатом моего отца, с детства любившего наблюдать за небесными светилами. Или зоосад, расположенный в пригороде Тессы, который нахо-

дился уже под моим патронатом. Но вот с магией, в отличие от Неверии, у нас дела обстояли плохо. Может быть, именно поэтому молодые люди из Кармодона уезжали туда учиться – желали приобщиться к чудесам, на которые были способны только маги и волшебные артефакты?

За завтраком Его Светлость сиял, будто начищенный таз. Конечно, не в каждом городе соблаговолит остановиться кортеж залетного принца! Но пуще герцога сияла Аманда. Я невольно залюбовалась свежестью ее лица, ослепительной улыбкой и синевою глаз. Причина ее хорошего настроения стала известна, когда после завтрака мы вышли в сад на прогулку.

– Онтарио прислал букет, представляешь? – воскликнула она. – Букет, конечно, полная безвкусица, но я надеюсь, это просто дань неверийской моде, к которой он привык на чужбине.

– Тетушка сказала, что «мальчик сбрендил за границей», – забавляясь, сообщила я.

Аманда изменилась в лице.

– Господи, только не это!

– Я думаю, женитьба его излечит! – решительно сказала я. – Еще не было случая, чтобы она кого-то не излечивала.

– Точно! – расцвела блондинка. – Твое Высочество, ты – голова!

Я невольно захихикала, представив себя в виде гигантской головы, говорящей гадости всем проходящим мимо.

Аманда задумалась, глядя на облака. В ее глазах появилась томная мечтательность. Не иначе, она представляла себя в объятиях любимого.

– Скажи, ты не хочешь просто с ним объясниться? – поинтересовалась я. – Спросить – что, дьявол его поберет, происходит? Возможно, путь к алтарю гораздо короче, чем ты думаешь?

Блондинка помолчала. Сорвав розовый бутон, принялась отрывать и бросать лепестки, один за другим.

– Я боюсь, – наконец, сказала она. – Боюсь услышать в ответ, что он не любит меня или что в далекой Неверии у него появилась другая. Мне кажется, вот так, без разговоров, проще. Нужно только чаще видеться, чтобы он вспомнил, как нам было хорошо вместе...

Дорожка вокруг нее была усыпана алыми, будто капли крови, лепестками.

– Я сделаю так, чтобы Онтарио написал письмо с просьбой о встрече, – пообещала я, – но попрошу не упоминать мое имя. Письмо «по ошибке» попадет к тебе. Ты придешь на встречу и попытаешься ему напомнить, как вам было хорошо вместе, идет?

Аманда улыбнулась и повторила:

– Твое Высочество, ты – голова!

* * *

С пера Его Светлости на документ, который он подписывал, упала большая и некрасивая клякса. Герцог тяжело вздохнул и, положив перо на подставку, поднял глаза на своего секретаря, пожилого мужчину с мышасто-серыми глазами. Серый цвет преобладал не только в его глазах, но и в расцветке костюма. Человека звали Робио Вишенс, и он служил уже второму поколению Ананаксов.

– Как это случилось? – недовольно воскликнул герцог. – Как случилось, что два негодяя, два разбойника, два висельника оказались на свободе? Целых два! Тем более сейчас, перед визитом неверийских гостей?

– Они устроили подставную драку в камере, Ваша Светлость, – заглянув в бумаги, которые держал в руках, сообщил секретарь, – когда туда зашел охранник, чтобы их разнять, убили его и забрали ключи. Это произошло глубокой ночью, смена караула, как вы знаете, происхо-

дит перед рассветом, тогда его и обнаружили. Но они вряд ли станут ошиваться близь Самыйсокса, скорее всего, дадут деру в большой город, где легко скрыться. Например, в столицу.

Герцог смял бумагу с кляксой и выбросил в мусорную корзину.

– Предупредить посты на дорогах в столицу, – буркнул он и потянул из стопки чистый лист.

Вишенс молча ждал продолжения. Ананакс поднял на него недоумевающий взгляд:

– Что?

– Вдова, – мягко напомнил секретарь, – и двое детей.

Герцог поморщился, но Вишенс выдержал недовольный взгляд.

– Ну, хорошо, – сдался Ананакс, – назначьте ей пенсию в размене половины его жалованья.

– Половины? – невозмутимо уточнил секретарь.

– Да, дьявол меня побери, половины! – вспыхнул герцог. – Этот дурак умудрился одновременно умереть и упустить двух опасных преступников. На полное жалование это никак не тянет!

Вишенс черкнул что-то в своем блокноте и снова посмотрел на герцога.

– Вас ожидает посетитель.

– Никого сегодня не принимаю, – фыркнул Ананакс, однако Вишенс терпеливо повторил:

– Господин Кевинс ждет, Ваша Светлость.

На лист бумаги снова капнула клякса. Еще более уродливая, чем предыдущая.

– Да чтоб тебя! – сквозь зубы произнес герцог. – Пригласи немедленно.

– Слушаюсь!

Господин Кевинс был невысок, жилист и лыс. В его движениях ощущалась вкрадчивость, свойственная наемным убийцам и шпионам.

Герцог поспешил встать и обойти стол, чтобы лично приветствовать поверенного Его Величества Отиса Третьего в Самыйсоксе.

– Желаете чего-нибудь выпить? – предложил Ананакс, усадив воистину дорогого гостя в кресло для посетителей.

– Благодарю, нет, – сухо ответил Кевинс. – Я тут по делу и не стану отрываться от ежедневных забот. Прошу учесть, что разговор совершенно конфиденциален!

Сдержав вздох – подобное начало не предвещало ничего хорошего! – Его Светлость вернулся за стол.

– Как вы знаете, в Самыйсокс прибывает принц Стич со свитой, – продолжил Кевинс. – Он остановится в вашем городе, чтобы передохнуть и набраться сил перед последним отрезком пути. Предполагается его трехдневное пребывание здесь, однако принц задержится...

– Вот как? – удивился Ананакс. – Меня никто не уведомил об этом.

– Я. Только что, – отрезал Кевинс. – Принц и сам не знает, что ему предстоит задержаться в Самыйсоксе. Зато теперь об этом знаете вы. Ваша задача, герцог, обеспечить максимальное количество времени, которое должны совместно проводить принц Стич и Ее Высочество Альвина. И крайне желательно, чтобы это максимальное количество времени они провели с пользой. Вы понимаете, о чем я?

Кевинс уставился на герцога немигающим взглядом. Герцог в ответ уставился на Кевинса, а затем всплеснул руками и воскликнул:

– Ах вот, в чем дело! Господин Кевинс, передайте Его Величеству мою искреннюю благодарность за оказанное доверие, и уверьте его, что я не подведу. Самыйсокс – прекрасная декорация для зарождающихся между молодыми людьми чувств, и вы скоро сможете в этом убедиться. Я сделаю все, что в моих силах, совершенно бескорыстно, ведь я служу королю и Отечеству!

Тонкая улыбка впервые тронула бесцветные губы Кевинса.

– Его Величество ценит вашу верность, Ананакс, – произнес он, вставая. – Королю стало известно, что ваш сын вернулся из Неверии с прекрасными рекомендациями. Он хотел бы видеть Онтарио при дворе... после событий, которых мы все будем ожидать с нетерпением!

От герцога не укрылась пауза, Впрочем, она его не смутила. Он уже мысленно составлял список тех, полных прелести и романтичности мест в Самыйсоксе и окрестностях, где юноша и девушка могли бы «проводить максимальное время с пользой» ради «событий, которых мы все будем ожидать с нетерпением».

– Примите мои благодарности, господин Кевинс, – поспешил подняться герцог.

Он проводил гостя до дверей, цвета полной счастья улыбкой, однако улыбка завяла, едва королевский поверенный покинул кабинет.

– Робио, зайдите! – крикнул Ананакс, и когда секретарь вошел, махнул рукой на кресло. – Садитесь и прошу учесть, что разговор совершенно конфиденциален.

* * *

Оказавшись в Самыйсоксе я впервые получила свободу, о которой ранее могла только мечтать. Окрестности провинциального городка – это вам не улочки и площади Тессы, наводненные шпионами отца, следящими за каждым моим шагом. Находясь здесь, я довела искусство побегов от свиты до совершенства, и сейчас, ловко улизнув из сада Ананакса через мною же оторванную (и, естественно, прилаженную на место) доску в заборе, наслаждалась неспешной прогулкой по роще, соседствующей с герцогским поместьем. Свежий ветер и тонкий аромат роз из близлежащих садов кружили голову сильнее крепкого вина. Конечно, я скучала по отцу и бабуле, но аромат свободы для меня теперь навсегда ассоциировался с этими запахами. Я шла, раздумывая о том, как здорово просто идти туда, куда хочется, не ощущая спиной осторожных взглядов папенькиных соглядатаев, как вдруг ощутила чей-то пристальный взгляд. Грудью.

Онтарио Ананакс стоял на моем пути, изображая бастион, который мне было не взять. Да, я снова оценила ширину его плеч и добродушную улыбку, но в голубых глазах блондина плескалась такая решимость, что я едва не споткнулась.

– Вы получили букет, Ваше Высочество? – спросил он.

Его взгляд подавлял мою волю. Слегка замешкавшись, я взяла себя в руки:

– Я? А разве он не был предназначен Аманде Кивис?

– Аманде? – прищурился блондин.

– Конечно, Аманде! Вашей подруге детства, с которой вы собирались пожениться по возвращении из Неверии, – горячо уверила я его.

Онтарио изменился в лице.

– Я? Жениться? Господи боже, я... – он резко замолчал, а потом вдруг со всего размаха стукнул себя по лбу. – Ах, жениться! Ну, конечно, жениться!

И захохотал.

Я смотрела на него в немом изумлении. Похоже, тетушка была права, когда сказала, что «мальчик совсем сбрендил».

– В этих заграничах, знаете ли, забываешь себя, – отсмеявшись, сообщил Онтарио, чем только подтвердил мои опасения. – Конечно, я собирался жениться на милой Аманде, но это было давно, да и чего стоят детские обещания?

– Так ваши планы изменились? – холодно поинтересовалась я.

Его глаза хищно блеснули.

– Еще как изменились! – воскликнул он и шагнул ко мне. – Вы позволите проводить вас до дома?

Во мне мгновенно вскипела ярость. До дома? Меня? В момент, когда я наслаждаюсь свободой?

– Не позволю, – отрезала я, – вас ждут в другом месте.

– Это где же?

Я на миг задумалась, припоминая один из папенькиных разносов, которые он устраивал своим министрам (будучи маленькой, я частенько пряталась в его кабинете, под угловым столом, на котором стоял бюст бабушки, и выучила много полезных слов, которые, к сожалению, мне запрещено было произносить). А потом, глядя в бесстыжие голубые глаза Онтарио Ананакса, подробно описала маршрут, по которому ему следовало идти.

Онтарио открыл рот. Закрыл. И закашлялся.

– Вы совсем больны, бедняжка, – с жалостью произнесла я, – ступайте домой и лечитесь. Всего хорошего!

И, обогнув его, я быстро пошла прочь. Мне хотелось бежать, потому что я прекрасно понимала – парень тот еще репей! Но королевского достоинства терять не следовало.

Какое-то время за моей спиной царил тишина, а затем послышались быстрые шаги. Я бесшумно прыгнула с тропы и спряталась в кустах, густая листва которых была моим спасением. Онтарио прошел мимо, бормоча под нос ругательства, затем прибавил шагу и скрылся за поворотом. Радуюсь своей нехитрой уловке, я вылезла из кустов и пошла в обратную сторону. Что ж, прогуляюсь во-о-он туда, в сторону пруда, в котором местная ребятня ловила некрупную рыбку. Но, к своему удивлению, пройдя пару шагов я снова ощутила пристальный взгляд. И снова грудью.

– Я вызываю у вас отвращение, Ваше Высочество? – Онтарио Ананакс пошел рядом, как ни в чем не бывало. – Я урод? Не в вашем вкусе? Вы любите брюнетов? Или мужчин с бородой? Или худых?

Понимая, что он обдурил меня так же, как я его, я лишь тяжело вздохнула и сделала вид, что возмущилась:

– Для чего мне отвечать на ваши дурацкие вопросы?

– Хочу узнать вас поближе, – пожал плечами этот хам. – Узнай, какие мужчины нравятся женщине – и ты узнаешь и саму женщину.

– А мне не нравятся мужчины! – я едва сдержалась, чтобы не показать ему язык. – И вообще, я подумываю о том, чтобы уйти в монастырь. Там не будет ни уродов, ни брюнетов, ни блондинов, ни худых и ни толстых. Красота!

– Сомневаюсь, что Его Величество, ваш отец, допустит это, – хмыкнул Онтарио. – Вы – национальное достояние, разве можно жертвовать таким сокровищем?

– Его Величество, мой отец, любит меня, и сделает, как я захочу, – высокомерно ответила я.

Блондин поморщился.

– Когда вы ведете себя как принцесса, Ваше Высочество, у меня сводит желудок. Почему вы сейчас не можете быть самой собой, ведь нас никто не видит? У вас же восхитительный характер!

Я едва не споткнулась, но крепкая рука Онтарио бережно поддержала меня. Восхитительный характер?... У меня? Таких комплиментов мне еще никто никогда не делал!

Ладонь блондина сжалась на моем запястье, и Онтарио прошептал:

– Вы мне нравитесь, но я почему-то не нравлюсь вам, и хочу понять – почему? Обычно женщины без ума от меня!

Его прикосновение волновало. От него исходила какая-то внутренняя сила, харизма, в общем, не знаю, как оно называется... Но это вот «обычно женщины...» просто вывело из себя! Да кто он такой, этот Ананакс, чтобы приравнивать меня к другим дамам, да еще и использовать при этом слово «обычно»?

– Женщины без ума, говорите? – прищурилась я и вырвала руку. – Так в этом нет ничего удивительного! Кто же в здравом уме и доброй памяти станет встречаться с таким приставучим, наглым, беспринцип. . .

Онтарио притянул меня к себе и поцеловал. Я снова отметила, что целуется он отменно, и даже решила помедлить, прежде чем дать ему пощечину. И сама не заметила, как увлеклась. . . Губы у блондина были пухлыми, но целовался он жестоко и безапелляционно, так, как мне и нравилось!

Когда у нас кончился воздух, Онтарио оторвался от меня и, задыхаясь, пробормотал:

– Вы целуетесь совершенно неподобающе для принцессы!

Своими словами он дал мне шанс прекратить безобразие, от которого мне так сложно было отказаться. Широко размахнувшись, я залепила ему пощечину и бросилась прочь.

– Эй, это больно! – донеслось мне в спину. – А пожалеть?

– Палач тебя пожалеет, – прошипела я, уносясь со скоростью ветра.

Мне было безумно жаль Аманду и стыдно за свой порыв. Как бы этот парень ни целовался, мне он не принадлежал и нужен не был. А вот ей – был!

Чуть позже, сидя с мальчишками на берегу пруда и следя за поплавками, я с наслаждением болтала босыми ногами в воде и представляла, с каким елейным выражением лица буду поздравлять новобрачных. Да будет так!

* * *

Герцог прекрасно знал о том, как ублажают высокопоставленных гостей, хотя гость королевской крови собирался прибыть в Самыйсокс всего лишь второй раз – первой была я. Поэтому Его Светлость собрал в замке ближайших подданных и сообщил, что ждет от каждого идей о том, какой еще подарок, кроме шпаги, над которой уже работают в герцогской кузне, должен преподнести город Его Высочеству Стичу Неверийскому. Кроме подданных присутствовали я и Аманда, приехавшая с отцом, а также герцогский сынок, с которым мы не сказали друг другу ни слова после памятной пощечины. Онтарио сидел в кресле у окна и, лениво листая страницы, делал вид, что читает книгу. Однако я, в совершенстве освоившая искусство казаться равнодушной на подобных мероприятиях, видела, что на самом деле блондин внимательно слушает.

Предложений было немало. Среди подарков фигурировали позолоченный сервиз с пейзажами, разнообразные виды драгоценностей, напольные часы и еще какая-то ерунда, которую я даже не запоминала.

Мне было скучно. Хотелось на волю, в леса, тем более что погода стояла прекрасная, легкий ветерок не давал ощутить жару, однако разносил по окрестностям аромат розовых садов. Замечтавшись, я не заметила, что разговоры замолкли.

– Ваше Высочество, – видимо, уже второй раз окликнул меня герцог, – может быть, вы что-нибудь предложите? У вас есть неоценимый опыт получения подарков!

– О-о-о, конечно, есть, – оживилась я. – Однажды мне подарили военную шхуну. Папенька подарил и даже назвал в честь меня «Принцесса». Подарите Его Высочеству кораблик? Ему понравится!

– С корабликами у нас туго, – помрачнел Ананакс, – в нашей маленькой речке и прудах они не помещаются, а рыбацкую лодку дарить принцу как-то некрасиво.

– Тогда подарите плащ, подбитый горностаем, – пожалала плечами я. – Горностаю носят только особы королевской крови, как вы знаете.

– Да что вы, Ваше Высочество, горностаю у нас отродясь не водился! – воскликнул Его Светлость. – Бобров – этих полно.

– Это такие водоплавающие грызуны с огромными зубами? – округлила я глаза. – Вы правы, не к лицу принцам носить на плечах каких-то крыс. А кстати, вы вообще что-нибудь знаете о его предпочтениях? Может быть, с этого надо было начинать?

Ананак хлопнул себя по лбу.

– Вы гений, Ваше Высочество! Но... – он помрачнел, – времени на сбор информации у нас нет. Кorteж прибывает со дня на день.

Онтарио Ананак отложил книгу, поднялся и неторопливо подошел к отцу.

– Будучи в Неверии я часто слышал о том, что Его Высочество Стич – прекрасный наездник, – сообщил он, – быть может, подарить ему лошадь?

Герцог расцвел и благодарно похлопал сына по руке.

– Коня! – воскликнул он. – Жеребца! Самого лучшего в Самыйсоксе!

– А вы говорили, здесь только бобры, – фыркнула я. – Если принц – прекрасный наездник, то и конь должен быть прекрасным, имейте это в виду.

Стоящий за креслом секретарь Вишенс склонился и прошептал что-то герцогу на ухо.

Улыбка герцога теперь едва помещалась на его породистом лице.

– Завтра мы устроим конкурс на лучшего скакуна, – встав, сообщил он всем присутствующим. – Если жеребец окажется не из моей конюшни, я куплю его у хозяина, чтобы преподнести в подарок от нашего славного города. А теперь ступайте и сообщите об этом, кому можете. Вишенс, пошлите герольда по окрестным селам. Думаю, завтра к обеду они успеют подготовить лошадей и привести в Самыйсокс.

После этой новости мое настроение улучшилось.

Отец учил меня держаться в седле с восьми лет, и я полюбила ездить верхом. Каким удовольствием было, став одним целым с лошадью, мчаться наперегонки с ветром, уворачиваясь от метящих в лицо ветвей, и кричать от восторга и скорости. Но, увы, теперь мне разрешалось кататься только в карете или открытой коляске. Такие меры предосторожности предпринял мой отец, дабы я, колеся без присмотра в Самыйсоксе и окрестностях, не сломала себе шею. «Дядюшка» Кевинс тщательно следил за их выполнением.

Что ж, если завтра у меня не получится прокатиться верхом, полюбуюсь на прекрасных животных, покормлю их яблоками и морковкой, и вообще прекрасно проведу день!

Свита удалилась, я тоже вскочила с радостью, намереваясь сбежать «в поля», однако Его Светлость пригласил нас с Амандой и ее отцом на обед. Услышав об этом, я подумала, что герцог, возможно, помнит о желании моей подруги выйти замуж за его сына, и, по всей видимости, считает ее неплохой партией для него, раз не препятствует встречам.

Предвкушая возможность оказаться за одним столом с Онтарио, в узком кругу, Аманда щебетала, как птичка. Ее смех звенел таким чистым колокольчиком, что не улыбнуться в ответ было невозможно. Я в очередной раз подумала, что она способна сделать счастливым любого мужчину, если сама этого захочет.

Видимо, памятуя о нашем вчерашнем разговоре, младший Ананак сегодня был более любезен с Амандой, чем все предыдущее время. Иногда он бросал на нее испытующие взгляды, смысла которых я, как ни старалась, понять не могла. То ли он сравнивал подругу из детства с этой невероятно привлекательной молодой особой, то ли мои слова напомнили ему о чем-то, о чем он действительно забыл на чужбине. Как бы то ни было, обед прошел легко и непринужденно – я молчала и улыбалась, остальные болтали без умолку.

– Папенька, можно мы погуляем с Ее Высочеством? – спросила Аманда, когда мы покинули дом Его Светлости.

– Ну, если Ее Высочество будет не против, – улыбнулся граф Барбио Кивис.

Высокий, с веселыми ореховыми глазами и ухоженными щегольскими усами, он мне нравился. Во всяком случае, ясно было, в кого у Аманды такой заливистый смех.

– Я не против, – милостиво улыбнулась я. – Прогуляемся в саду, моя дорогая?

Аманда скромно опустила ресницы и присела в реверансе.

– Конечно, Ваше Высочество!

Граф фыркнул и, поклонившись мне, отправился прочь. А мы рассмеялись, как девочки, сбежавшие со скучного урока по геральдике.

– Онтарио был так мил за обедом, что я немного растерялась, – возбужденно говорила Аманда. – Он, несомненно, изменился за эти годы, но я надеюсь, общаясь со мной, он вспомнит все наши шутки.

Внезапно она погрузилась.

– Завтра я должна поразить Онтарио в самое сердце! – пробормотала она. – Мне так не хватает его – прежнего.

– Все будет хорошо, вот увидишь, – поспешила уверить я, со стыдом вспоминая жесткие и горячие губы младшего Ананакса. – Ты уже придумала, что надеть?

– Ох, – всплеснула руками Аманда, – надо же срочно подобрать платье!

Не успела я моргнуть глазом, как красотка унеслась прочь, едва не споткнувшись в очередном реверансе. Провожая ее взглядом, я прикидывала, не пора ли открыть один из не распечатанных сундуков с платьями, привезенными из столицы? И решила, что пора. Предвкусывая, как Бабайка будет радоваться этому событию, я тоже отправилась домой.

Тетушка относилась к моим платьям, как к священным реликвиям давно исчезнувшей цивилизации. Ее восхищал подбор тканей, вышивка, россыпь драгоценностей на лифе и рукавах. Для провинциального вкуса, воспитанного на простых материях, однотонных цветах, растительных орнаментах и минимуме отделки, столичные наряды казались одновременно роскошными и возмутительными, восхитительными и безвкусными.

До вечера я провалялась с коробкой конфет на кровати, пока тетушка, смешно причитая от восхищения, раскладывала в моей спальне платья из нового сундука. Ни одно из них меня не вдохновило. Они были сшиты для столицы. Столицы с ее изысканными скверами, полными празднично гуляющих кавалеров и дам, столицы с маленькими кафешками прямо на улицах, чопорные официантки в которых держались с королевским достоинством, а крепчайший кофе в облаках из нежных сливок славился особым терпким вкусом...

Размечтавшись о чашечке кофе, я едва успела заметить, как тетушка торопливо сунула обратно в сундук что-то мышасто-серое.

– Стойте! – воскликнула я и, отбросив коробку, соскочила с кровати. – Достаньте обратно!

– Но... но Ваше Высочество, моя дорогая... – залепетала тетя Селеста, – это вообще не платье!

– Вот именно! – прищурилась я, и так резко наклонилась над сундуком, что едва в него не кувыркнулась.

На свет был извлечен... костюм для верховой езды. Должно быть, его положили на всякий случай на самое дно, надеясь, что случай этот так и не наступит.

Узкие черные брюки, приталенный жакет из серого бархата, шитый золотой нитью и с золотыми пуговицами, такая же юбка по колено и шляпка-таблетка с золотой кисточкой.

Разглядев длину юбки, Бабайка застонала.

– В чем дело, тетушка? – невинно осведомилась я, примеряя костюм у зеркала. – У меня слишком кривые ноги? Или слишком костлявая жо... э-э-э, основание?

– У вас все прекрасно, моя дорогая, и ноги, и, э-э-э, основание! – возмутилась Селеста. – Но эта вызывающая длина юбки!.. Неужели так одеваются в столице?

– О-о-о, – я закатила глаза, – в столице еще и не так одеваются! Виконтесса Сливс однажды явилась на бал в платье без плеч и с таким, знаете, декольте-декольте... Платье просто чудом на ней держалось...

– Какой ужас! – искренне воскликнула тетушка. – И ей никто не сделал замечание?

– Не успели, – мило улыбнулась я, – потому что я незаметно наступила на подол ее платья, когда стояла рядом, а потом отправила ее за мороженым. Она сделала шаг и...

– ...И? – с замиранием сердца выдохнула Бабайка.

– И платье спало, – хмыкнула я. – После этого замечания в ее адрес делались уже по другим поводам.

– Ох, Ваше Высочество, – пробормотала тетя и поспешила ретироваться, поняв, что от выбранного костюма я не откажусь.

Засыпая, я решила завтра проехаться верхом, несмотря на запрет отца. В конце концов, какая свобода без галопа?

* * *

Конкурс на лучшего скакуна проходил на главной городской площади. В честь этого события за одну ночь убрали все рыночные прилавки, подмели мусор и установили вдоль стен домов, выходящих на площадь, длинные скамьи для зрителей. Впрочем, уже утром скамьи пришлось убрать, потому что на конкурс явилось все население Самысокса и окрестных деревень.

Черeda «скакунов» с хозяевами тянулась едва ли не от городских ворот. Начиная с десяти утра, один за другим, владельцы выводили коней на площадь, проводили их шагом, затем, сев в седло – рысью и галопом. Лошади, понравившиеся Его Светлости и вызвавшие наибольший восторг у толпы, ждали второго раунда в тени одной из улочек. Неудачливые участники отправлялись восвояси.

Его Светлость вместе со мной, сыном и ближайшей свитой устроился на деревянном помосте, спешно сработанном за ночь. Окружающие помост разодетые придворные пытались скрыться от яркого солнца под кружевными зонтиками. Аманда в восхитительном алом платье притягивала взгляды присутствующих не хуже конкурсных скакунов. Рядом с ней я действительно казалась, правда, не вороной, а невзрачным серым воробушком. Впрочем, мне было глубоко наплевать – я наслаждалась атмосферой мероприятия: запахом конского пота и навоза, видом горожан, надевших ради такого случая свои лучшие наряды, возбуждением толпы, топотом, вскриками и детским визгом.

Лошадей выставляли в основном крепеньких и невысоких, этаких деревенских коньков-горбунков. В черede уже прошедших по площади было несколько неплохих животных, но бесспорным лидером оставался серый в яблоках жеребец по имени Буран из конюшни герцога. С гордостью поглядывая на него, Его Светлость развлекал меня разговором:

– Как вам вон та лошадка, Ваше Высочество?

– Которая?

– Стоит через одного в очереди, серая. Цвет просто один в один под ваш костюм!

Лошадка была молода и с характером. Я видела это по ее раздувающимся ноздрям и тому, как она косила глазом на толпу. Хотела сообщить герцогу, что с ней придется много заниматься, но Онтарио влез вперед меня.

– Симпатичная коняшка, отец, которая только начала выезжать. Чтобы сделать из нее воспитанную лошадь, ее надо учить и учить.

Я едва сдержалась, чтобы не захохотать в голос, так мне понравилось выражение «воспитанная лошадь», но вовремя вспомнила, что не должна вести себя неприлично (а хохотать для особы королевской крови крайне неприлично), и не стоит выказывать молодому человеку признаки симпатии.

– Сын мой, – удивился герцог, – с каких это пор ты стал разбираться в лошадях лучше, чем в бабочках?

– Отец, я же очень начитан, – с достоинством ответил Онтарио, но я прекрасно видела бесенят, притаившихся в глубине его зрачков, – в книгах мы можем подчерпнуть любые знания!

– А вы разбираетесь в ондатрах, юноша? – серьезно заинтересовалась я. – Это, знаете, такие белые, длинноногие, с большими ушами.

– Как?! – изумился Его Светлость.

– Конечно, Ваше Высочество, – с достоинством кивнул Онтарио, – ондатры принадлежат к классу пернатых, покрыты мелким пухом, а их ноги оканчиваются копытцами. В период половозрелости у самцов вырастают крылья, и они подолгу парят над лесами, высматривая подходящую партию.

– Что-о??? – опешил герцог.

Мне стоило все большего труда сдерживать смех. Разговор начал доставлять удовольствие, ведь Онтарио, подыгрывая мне, импровизировал виртуозно.

– Вам доводилось охотиться на них? – с самым сосредоточенным видом продолжала спрашивать я.

– Они чрезвычайно редки в наших местах, а в Неверии вообще не водятся. Во всяком случае, я ни разу не слышал там об этих зверьках.

– Какая жалость, – пробормотала я. – А я так мечтала увидеть ондатру, парящую в поисках любви!

– Похоже, я совсем ничего не знаю об ондатрах, – растерянно произнес герцог, – наверное, сын мой, ты прав – нужно почитать книги!

– Иногда это полезно, – хмыкнул тот, и я кивнула, соглашаясь.

Порыв ветра принес новую волну аромата роз и едва не сдул мою шапочку. Я придержала ее, а когда посмотрела на площадь, буквально онемела. Вороной жеребец, ведомый под уздцы могутным бородатым дядькой, был великолепен! Под его блестящей шкурой перекачивались мощные мышцы, посадка головы была изумительна, по начищенным копытам пробегали всполохи солнечного света... А грива! Бог мой, она струилась агатовым водопадом, рекой из черных бриллиантов, обсидиановым штормом! Конь знал о том, что красив, но был норовист – я видела это по тому, как он вскидывает голову, как косится на провожатого, как переставляет ноги.

– О мой бог! – прошептал Онтарио Ананакс, который тоже с восхищением уставился на жеребца. – Какой экземпляр!

Его отец с сожалением бросил взгляд в сторону своего выдвигенца.

Народ на площади затих. Всем как-то сразу стало ясно, что конкурс можно считать завершенным.

– Кто его хозяин? – спросил Его Светлость у секретаря.

Тот заглянул в список.

– Борок Симмонс, егерь Дальнего леса.

Герцог бросил взгляд на сына.

– Что скажешь? Такой зверь понравится Его Высочеству?

– Мне бы он понравился! – воскликнула я, не отводя глаз от жеребца. – Ей-богу, я перекупила бы эту лошадь у хозяина, если бы не угроза международного конфликта.

– Раз он понравился принцессе – понравится и принцу, – улыбнулся Онтарио. – Отец, я думаю, других претендентов и смотреть не стоит.

Ананакс снова расстроено покосился на серого в яблоках и грустно произнес:

– Я тоже так думаю... Давайте-ка взглянем на него вблизи!

Встав, он принялся спускаться с помоста. Свита взволнованно потянулась следом.

– Ваше Высочество желает посмотреть? – вкрадчиво прошептал мне на ухо Онтарио, вызвав шестивие мурашек по спине. – Прямо сейчас.

– О да! – я вскочила.

В моей крови азарт пузырился, словно в холодном шампанском.

– Онтарио, дорогой, вы не можете мне? – вдруг раздался голос Аманды.

Она остановилась рядом с нами и призывно улыбалась, глядя на младшего Ананакса.

Похоже, подруга решила поторопить события.

В его взгляде промелькнула растерянность. И в эту долю секунды я ощутила самый настоящий гнев. Я никогда не призналась бы себе, но мне хотелось опереться на крепкую руку Онтарио, чтобы пойти смотреть на самую восхитительную коняшку в своей жизни.

Дьявол! Нам, принцессам, нельзя поддаваться чувствам на людях!

– Идите, юноша, – высокомерно сказала я, – у меня будет возможность полюбоваться этим красавцем позже.

Онтарио посмотрел на меня, и я с удивлением разглядела ярость в его глазах. Как?! Он еще смеет злиться на меня?

Он подал Аманде руку, и дева расцвела. А я поймала себя на мысли, что с удовольствием убила бы их обоих ножкой от своего стула.

Они спустились с помоста и тоже подошли к вороному. Я же осталась сидеть, кусая губы от разочарования и наблюдая, как герцог разговаривает с хозяином лошади.

Коню повышенное внимание не нравилось. Он всхрапывал, вскидывал голову и нервно раздувал ноздри, видимо, впервые видел такое количество народа вокруг себя. Егерь удерживал его с трудом, но отвлекался, поскольку не мог не отвечать Ананаксу, который требовательно спрашивал его о чем-то. Наконец, жеребец не выдержал – заржал, картинно взмахнул гривой и поднялся на дыбы, молотя по воздуху огромными копытами. Дамы завизжали, еще больше напугав его. Свита рассыпалась по площади, словно монпансье из коробки по столу. Обезумевший от страха зверь принялся брыкаться и мотать головой, как вдруг чья-то крепкая рука схватила его поводья. А затем... Онтарио Ананакс оказался на конской спине без седла, сжимая коленями крутые бока.

Зрители ахнули.

Вороной прыгал и всячески пытался сбросить всадника, однако тот сидел, словно они были одним существом. Спустя какое-то время конь стал уставать, а затем и вовсе остановился, свесив голову. Онтарио наклонился к нему и что-то прошептал, похлопал его по шее, тронул поводья и... жеребец пошел шагом вокруг площади. Бледный, как смерть, егерь подбежал к ним. Онтарио прыгнул с лошади и кинул ему поводья.

Аманда была первой, кто бросился к нему, чтобы поздравить. Не стесняясь присутствующих, она повисла у него на шее и подарила горячий поцелуй. Думаю, после произошедшего подругу не осудил бы даже ее отец.

Держась за сердце, герцог поднялся на помост и объявил конкурс завершенным. Подарок принцу Неверии был выбран. Норовистый такой подарок.

– Этот негодяй точно понравится Его Высочеству Стичу, – услышала я голос Онтарио, вместе с Амандой остановившегося у помоста. – Принц любит погорячее!

Я закусила губы, но тут Его Светлость подал мне руку, чтобы помочь спуститься. Пока я шла, глядя под ноги, лишь бы не смотреть на мило воркующих Аманду и Онтарио, герцог громко приглашал всех на обед в его замок, дабы отпраздновать удачное завершение конкурса.

– Я прошу прощения, – спустившись с последней ступеньки, сказала я ему, – но вынуждена вас покинуть. Что-то нехорошо себя чувствую!

Ананакс, рассыпаясь в любезностях, проводил меня до кареты, которая ожидала вместе с другими экипажами на соседней улице, и пожелал «побыстрее прийти в себя и вновь радовать общество Самыйсокса своим присутствием».

Я вернулась домой в дурном расположении духа. Очень обрадовалась, когда не застала тетюшку, и только потом вспомнила, что она осталась на площади в толпе зевак. Понадеявшись

на то, что герцог пригласит на обед и ее, приказала принести в мои покои вишневого пирога с молоком и закрылась на ключ, сообщив всем, что у меня болит голова и я ложусь спать.

«И не смей меня беспокоить!»

Надо признаться, пирог несколько поднял мне настроение. Поразмыслив, я действительно легла спать и продряхла до ужина. Мне снился Онтарио в объятиях Аманды. Во сне подруга почему-то предстала в образе русалки, а у молодого человека были резкие черты лица, темные глаза и черные волосы. Надо признаться, новое лицо шло ему куда больше нынешнего!

Я проснулась, будучи уверенной, что голубки окончательно воссоединились и сейчас целуются где-нибудь в уголке герцогского сада, и решительно выкинула Онтарио Ананакса из мыслей. Следовало подумать о другой напасти, грозившей свалиться мне на голову, а именно, о Его Высочестве Стиче Неверийском.

В задумчивости я спустилась в библиотеку и только потащила с полки первый том энциклопедии «Неверия, как она есть», как в помещение ворвалась взволнованная тетя.

– Ваше Высочество, как вы себя чувствуете? – запричитала она и даже сделала попытку потрогать ладонью мой лоб. – Что с вами? Мы все так за вас волновались!

– Должно быть, перегрелась на солнце, тетушка, – отступая и прикрываясь книгой от назойливых попыток пощупать мою голову, сообщила я. – Я почитаю, а поужинаю позже. Как прошел обед?

– Ох, обеды у Его Светлости выше всяких похвал! – закатила глаза Бабайка. – Подавали фазанов, запеченных в винном соусе, и новое блюдо, которое повар осваивает специально для Его Высочества Стича – национальное неверийское блюдо ягодный мусс.

– И что мусс? – поинтересовалась я, радуясь тому, как несложно оказалось переключить тетю с моего здоровья на кулинарию.

– Ну-у, – Бабайка задумалась. – Жевать его нужно было долго...

Я хмыкнула, представив герцога и его гостей, сидящих за длинным столом и жующих мусс с задумчивым видом пасущихся на лугу коров.

– Младший Ананакс все время спрашивал, где вы, и, кажется, очень расстроился, когда узнал, что вы отправились домой, – тоном заговорщика сообщила тетя.

– Что? – переспросила я, не сразу оторвавшись от сельского пейзажа в воображении.

– Онтарио интересовался, куда вы пропали, – повторила тетя. – Такой заботливый молодой человек! Все только и говорят о том, как он усмирил того жеребца. Кстати, коня зовут Зверь. По-моему, очень ему подходит.

Я мысленно поставила книгу обратно на полку и схватилась за голову. А я-то надеялась уже завтра поздравить Аманду с повторной помолвкой!

– Да, вполне, – кивнула я. – Идите, тетушка, займитесь делами. Я посижу в тишине библиотеки и почитаю.

Бабайка присела в реверансе и ушла. А я уютно устроилась в кресле и раскрыла первый том Неверийской энциклопедии...

* * *

Я закрыла книгу, когда за окном стемнело. Сна не было ни в одном глазу, наоборот, хотелось приключений. Дома, будучи в таком настроении, я сбегала из дворца и отправлялась бродить по городу, любясь ночными фонарями, орущими друг на друга котами, звездами, которые гроздьями висели над крышами, пьяными, выкрикивающими песни с незабываемой лексикой, и ища приключений на свою... корму. Ночи в Самыйсоксе, конечно, не были такими насыщенными, как в столице, но обладали своей неотразимой прелестью. Кроме того, я вспомнила, что собиралась взглянуть на жеребца по кличке Зверь «позже, без давки».

Убедившись, что тетя и прислуга давно спят, а папенькины гвардейцы бдят у входных дверей, как им и положено, я вернулась в свою комнату и надела тот же костюм для верховой езды, что и утром. После чего бесшумно спустилась в кладовку под лестницей, вылезла в окно и с наслаждением вдохнула свежий ночной воздух. Конечно, калитка на задний двор герцогского замка сейчас заперта, ведь никто не побежит за креманками для мороженого в это время, но чуть дальше, прямо у ограды, растет здоровенный дуб, ветви которого торчат во все стороны, в том числе, в нужную мне.

Я отправилась на прогулку в прекрасном настроении. Где-то шелкал соловей, аромат роз стал тоньше, но при этом ярче. Он дразнил мои ноздри, как тортик с вишенкой дразнит даму, сидящую на диете. На улицах Самысокса было пусто: провинция – она и есть провинция. Ни тебе фонарей, ни орущих пьянчуг... Лишь коты в ассортименте взблескивали глазами из темноты, да кармодонские звезды сияли в вышине.

Белеющее на столбе объявление привлекло мое внимание. Его Светлость Ананак обещал приличное вознаграждение за сведения о двух разбойниках, недавно бежавших из тюрьмы. С бумаги на меня глядели нарисованные лица, и по манере я узнала руку Красного носа. Один из бандитов был худым, с большими залысинами на лбу и глубоко посаженными глазами. Отчего-то он напоминал таракана, хотя усами не обладал. Второй, напротив, широколицый, крепкий, с глазами навывкате и наглым выражением лица никого мне не напомнил, но как-то сразу становилось ясно, что не стоит встречаться с ним на узкой дорожке. Я пару минут постояла, раздумывая, кто из них выглядит более мерзко, а затем, так ничего и не решив, отправилась дальше.

Дуб дался мне легко. По ветке я перебралась на стену, огораживающую задний двор замка, пробежалась по ней и спрыгнула рядом с конюшней.

Конь по имени Зверь дремал, запертый в отдельном стойле. Почуввав меня, он проснулся, всхрапнул и переступил с ноги на ногу. Я подошла к воротам стойла, держа на ладони ароматную ржаную горбушку – еще не встречала лошадь, которая отказалась бы от такого угощения! Зверь тоже не стал исключением. Глухо топоча копытами по подстилке из сена, он развернулся мордой ко мне, принялся, аккуратно взял горбушку теплыми губами и покосился на меня лиловым глазом.

– Ты ж мой хороший, – растаяла я, – ты ж мой красивый!

Осторожно, чтобы не напугать, протянула руку и принялась гладить его по щекам и носу, трепать по шее. Жеребец жевал горбушку, явно принявшись к следующей, спрятанной в моем кармане, и совсем не казался «невоспитанной лошадкой».

Воодушевленная успехами, я открыла воротца, вывела коня и оседлала его. И почувствовала ликование, сев в седло. Кто любит верховую езду и разбирается в лошадях, тот знает, какое удовольствие ощутить под собой крепкую конскую спину, сжать бока лошади коленями и тронуть поводья, отправляясь в путь!

Я намеревалась покататься в герцогском саду – в такой час там никого не было. Однако Зверь решил по-другому. Едва оказавшись вне стен конюшни, он звонко заржал, поднялся на дыбы и погнал вдоль забора, ища лазейку. Опомившись от удивления, я честно попыталась взять контроль над строптивой животиной в свои руки, но не тут-то было! Конь не желал слушаться ни поводьев, ни уговоров, и явно мечтал побыстрее покинуть замкнутое пространство двора.

Послышались крики – это выбежали заспавшиеся конюшие. Они попытались поймать вороного, но сделали только хуже. Пока я гадала, слечу я с седла и попаду под пудовые копыта жеребца, или он просто растрясет меня на клочки по закоулочкам, вредное животное отбежало в сторону от забора и... понеслось вперед. Я едва не завизжала от ужаса – такую высоту не могла взять ни одна лошадь! – но вспомнила, что принцессам визжать не положено, поэтому зажмурилась, легла на шею коня и вцепилась всем, чем можно, во все, что можно.

Финальный удар копыт по земле прозвучал набатом. А затем... последовало восхитительное ощущение полета. Я стала легкой, как перышко, и страх исчез, сменившись ликованием. Вот тут я не выдержала – и завизжала! От восторга.

– Ворота открыты! – услышала я краем уха чей-то рык.

В это мгновение Зверь приземлился, встряхнулся и гордо поскакал прочь от замка. Я в очередной раз едва не вылетела из седла, но вовремя сообразила, что все еще визжу.

Когда я, наконец, замолчала, жеребец одобрительно покосился на меня и великодушно сбавил ход.

Сбоку мелькнула серая тень, помчалась наперерез. От неожиданности Зверь снова поднялся на дыбы, и вот тут я поняла, что все-таки падаю. Спустя мгновение меня ощутило трянуло, и я обнаружила себя висящей на чьем-то могучем плече. После пережитого меня мутило, поэтому я не сразу обрела четкость зрения. А когда смогла оглядеться, поняла, что вишу на... Онтарио Ананаксе, который спешил и свободной рукой удерживал поводья Зверя. Серый в яблоках герцогский жеребец по кличке Буран спокойно стоял рядом.

– Вы, Ваше Высочество, больная на всю голову или как? – Онтарио стряхнул меня, как птичий помет, и больно взял за плечи. – Какого дьявола вы полезли к этой лошади?

То ли от потрясения, то ли от восторга у меня все еще кружилась голова, поэтому я не сразу поняла, что именно он сказал. И не сразу увидела, как он бледен.

– Вы только что назвали меня сумасшедшей или мне послышалось? – уточнила я.

– Вы могли погибнуть! – возмущенно воскликнул он. – Почему нельзя было дожидаться утра и прокатиться под присмотром?

– Потому что мне опостылело быть под присмотром! – заорала я. – Вы не знаете, что это такое, когда за каждым вашим шагом следят, не те, так эти! А вам хочется просто погулять! Ясно? Просто погулять в одиночестве, не чувствуя чужих взглядов, в которых ты запуталась, как в паутине!

Я заставила себя замолчать, потому что поняла – еще слово, и заплачу. Как-то вдруг стало так себя жалко... Мы со Зверем несколько секунд были единым целым. Потрясающее чувство, будто я нашла единомышленника, которого у меня сейчас пытаются отобрать!

Онтарио смотрел на меня с таким странным выражением, что я тут же попыталась отцепить его руки от себя. Но он убрал их сам, отвернулся, чтобы взглянуть на вороного, а когда повернулся, я увидела всегдашнюю ироничную улыбку на его губах.

– Давайте просто погуляем? Вы, я и две коняшки. Никаких ограничений с моей стороны, но если вы опять свалитесь с седла, я вас снова поймаю, договорились?

Налетевшая на меня эмоциональная буря ушла. Слегка болела голова, однако я почувствовала себя собой, то бишь Ее Высочеством Альвиной, принцессой Кармодонской.

– Я не падала, – буркнула я. – Это вышло случайно!

– Я знаю, – неожиданно согласился Онтарио. – Если бы у вас была склонность падать с лошади, вы свалились бы еще во дворе, и уж точно вылетели бы из седла, когда Зверь летел над стеной. Вот ведь демон, а не конь! Полет выглядел просто заворачивающе!

– Да? – заинтересовалась я. – А как я выглядела в момент полета?

– Восхитительно, – уверил Онтарио, – ровно до тех пор, пока не завизжали. После этого я старался на вас не смотреть...

Несколько мгновений я разглядывала его в полном обалдении, а потом захохотала. Принцессам хохотать не положено, но сейчас поступить по-другому было решительно нельзя.

Онтарио присоединился ко мне. Пару минут мы ржали, как кони, поддерживая друг друга, чтобы не упасть. Затем, все еще посмеиваясь, оседлали лошадей.

– Это будет у меня, – заявил Онтарио, подбросив в ладони поводья Зверя. – В остальном, как я уже сказал, никаких ограничений. Куда желаете отправиться, Ваше Высочество?

Я с сомнением покосилась на виднеющейся вдали замок. Должно быть, там сейчас царила настоящая суматоха, а Его Светлость, в отчаянии разрывая на клочки постельное белье, с которого только что поднялся, приказывал срочно начинать спасательную операцию.

– Забудьте о них, – махнул рукой Онтарио, проследив за моим взглядом, – забудьте обо всем, кроме этой ночи! Я совру, что ловил вас, точнее Зверя, до рассвета, а вы скажете, что не собирались кататься, а хотели просто посидеть в седле такой красивой лошади.

– Вот прямо так легко соврете? – заинтересовалась я.

Онтарио тронул Бурана с места, а за ним зашагал Зверь, смиренный, как ягненок.

– Ну, я не совсем совру, – не смутился Онтарио, – я лишь немного приукрашу действительность. Я же вас ловил? Ловил. Вы же в седло сели? Сели!

– Мне будет ужасно жаль отдавать эту лошадь какому-то там залетному принцу, – грустно сказала я. – Может быть, мне его отравить?

– Коня или принца? – уточнил Онтарио.

– Принца, конечно, – возмутилась я. – Разве можно травить такое чудесное животное?

Я погладила Зверя по шее и вспомнила, что в кармане еще осталась ржаная горбушка. Достала ее и, разделив, протянула половину Онтарио.

Мы ехали шагом в каких-то зарослях, под звуки соловьиных трелей и вкусное похрумкивание хлебом обоих жеребцов.

– Вы любите Самыйсок? – спросила я, прислушиваясь к ним. – Или он не кажется вам таким чудесным местом, как мне, поскольку вы здесь выросли?

– Я слишком долго был на чужбине и теперь смотрю на многое, будто вижу в первый раз. Это забавляет, – ответил Онтарио.

– Забавляет? – возмутилась я. – Вам все кажется забавным! Неужели в вашей жизни нет ничего серьезного?

– Есть, – неожиданно помрачнел он. – Мой отец.

– Его Светлость? – изумилась я. – Почему? По-моему, он хороший человек и любит вас!

Онтарио молчал. Кажется, впервые молчал в ответ на мой вопрос.

– Почему? – с нажимом переспросила я. – Вы не имеете права мне не отвечать!

– Пф-ф... – он наморщил нос. – Вы злоупотребляете служебным положением, Ваше Высочество!

Я обиженно отвернулась.

– Я мечтаю повидать свет, а отец ждет от меня карьерных подвигов и удачного брака, – тут же заговорил Онтарио. – И я вынужден ему подчиниться, потому что... – Он замолчал, потом добавил: – Потому что не могу не подчиниться, дьявол меня побери!

– Вполне вас понимаю, – грустно сказала я. Соловьиная песнь рвала душу на части мечтами о несбыточном. – Правда, Аманда говорила, что до отъезда вы мечтали о библиотеке и размеренной провинциальной жизни...

Онтарио остановил лошадей и уставился на меня с таким гневом, что я едва не отшатнулась.

– Хватит уже напоминать мне об этом! – рявкнул он. – Аманда Кивис – привлекательная девушка, но мне не по душе мысль о браке с ней!

– Однако вы женитесь на ней, потому что так хочет ваш отец? – спросила я.

– Да я!.. – заорал он, но вдруг сдулся, как воздушный шарик в финале детского праздника, и холодно довершил: – Пожалуй, вы правы, Ваше Высочество, женюсь... Ваш отец был бы очень доволен вашей рассудительностью!

Он замолчал и дернул поводья, разворачивая Бурана в сторону замка.

По пути назад я дулась, а Онтарио молчал, разглядывая сельские пейзажи с выражением лица зеваки, случайно забредшего на выставку современного искусства. Во мне все кипело: да что это такое, в конце концов, орать на принцессу? Это позволено только моему отцу! Но, не

зная, что сказать в сложившейся ситуации, я старательно любовалась окрестностями Самыйсокса и делала вид, что не замечаю человека, который равнодушно держал поводья моего коня, позабыв о своем предложении гулять до рассвета.

Герцог Ананакс встретил нас в облаке валериановых паров – похоже, запасы успокоительного в его замке сегодня подошли к концу.

– Ваше Высочество, – закричал он, увидев нас издалека, – о, Ваше Высочество! С вами все в порядке, хвала господу! – И схватился за сердце.

– Благодарю, Ваша Светлость, – улыбнулась я, будто ничего не случилось, – я просто хотела посидеть в седле этой славной лошадки, а она, возьми, и пусться в галоп! Такое приключение! Думаю, перекуплю Зверя у принца Стича, когда вы его ему подарите.

Герцог изумленно уставился на меня, а Онтарио спрыгнул с седла и пошел прочь. Краем глаза следя за его удаляющейся прямой спиной, я ощутила странное, несвойственное мне чувство сожаления. Отчего? Оттого, что прогулка не удалась? Мы не поговорили по душам? Или оттого, что ему придется жениться на Аманде, даже если он уже не испытывает к ней нежных чувств?

– Умоляю, больше не пугайте меня так, – Ананакс дрожащей рукой отер пот со лба, – если с вами что-то произойдет, Ваше Высочество...

Он не договорил, но я и так поняла, что он имеет в виду, и даже испытала нечто, похожее на стыд. Поэтому воскликнула, желая подсластить герцогу знакомство с такой непредсказуемой особой, как я:

– Ваш сын – настоящий герой, и я обязательно сообщу Его Величеству, моему отцу, о его мужественном поступке!

– Правда? – расцвел Ананакс.

– Правда, – кивнула я, – а теперь, если позволите, я отправлюсь домой.

Его Светлость нежно, но твердо взял меня под локоток.

– Я лично доведу вас до дома, дорогая принцесса, и уеду, только убедившись, что вы сладко спите!

Я поморщилась. Прощай, одинокая прогулка в ночи! Но больше всего меня расстроило не это, а то, что уходящий прочь Онтарио так и не оглянулся.

* * *

«Любимый папенька, желаю тебе править до тех пор, пока самому не надоест! Как проходит подготовка к визиту неверийского принца в столице? Уже украсили общественные туалеты плакатами с его улыбающимся личиком? А местные белошвейки начали шить нижние юбки с его изображением? Уверена, о нижних юбках ты знаешь совершенно точно!...»

Его Величество Отис запнулся и посмотрел на мать.

Вдовствующая королева задумчиво распускала салфеточку, которую давеча вязала под ночную вазу – изображенный на салфеточке цветок, к сожалению, получился похожим на хищный кочан капусты.

– Продолжай, – невозмутимо произнесла Миневра.

«Между тем, не далее, как сегодня утром кортеж принца Стича прибыл в Самыйсокс. Его Светлость Ананакс расставил вдоль дороги вестовых, и как только кортеж показывался в их видимости, они тут же срывались с места и скакали с докладом, распугивая крестьянские подводы, торговцев, голубей и странствующих рыцарей – в общем, все то, что обычно встречается на проезжей дороге из одного населенного пункта в другой.

Поскольку кортеж добрался до городка ранним утром, я сие действие пропустила – спала в обнимку с любимым плюшевым мишкой...».

Королева растроганно вздохнула.

«Если ты помнишь, папочка, я прятала в нем слабительный порошок, который подсыпала своим гувернанткам в чай. Вот интересно, подействует ли кармодонское медикаментозное средство на неверийцев, как ты думаешь?»

Отис посмотрел на мать и спросил:

– Нас ждет международный скандал?

Та пожала плечами.

– Вряд ли, Оти. Твоя дочь слишком умна, чтобы ее поймали.

– О боже, боже! – простонал король и вновь взялся за письмо.

«Тетушка Селеста настояла, чтобы я надела новый наряд – герцог ждал меня во дворце, дабы представить Его Высочеству Стичу Неверийскому. Она выбрала для меня пышное платье глубоко бордового цвета... Честно говоря, в нем я напоминала самой себе чью-то отрубленную голову в луже крови, но тетушка уверила, что я имею подобающий случаю торжественный вид. К платью подобрали комплект рубиновых драгоценностей – диадему, кольцо, серьги и перстень. Кажется, это были мамины украшения? Ей они шли... Разглядывая себя, глубоко бордовую, в зеркале, я решила, что мое лицо выглядит слишком невзрачным для подобного наряда...».

Миневра перестала распускать салфетку и прислушалась.

«...И достала свою косметичку!» – прочитал Отис. Схватился за голову и воскликнул:

– Только не это! Только не косметичка!

Вдовствующая королева поджала губы.

«Используя угольный карандаш, я сделала свои невыразительные глаза **ОЧЕНЬ** выразительными, – продолжил читать король. – На моих щеках расцвели так любимые в Самысоксе розы, глубоко бордовые, ага. Губы я подрисовала, увеличив в размере, как делают наши столичные модницы, и, в целом, осталась довольна результатом. **ЭТО** лицо очень шло к платью. Я надеялась, что и на неверийцев мой вид произведет впечатление, ты же всегда говорил, что первое впечатление – самое важное!

Я прибыла во дворец герцога незадолго до полудня. Вокруг ограды толпились зеваки, которые встретили меня приветственными криками. Я слышала, как они спрашивают друг у друга: „Господи, а это кто такая?“ – и осталась довольна.

Герцог ожидал меня на пороге зала для официальных мероприятий. За его спиной стоял Онтарио. Надо сказать, выдержки у Его Светлости Ананакса не занимать – когда молодой Ананакс, увидев меня, упал лицом в дверной косяк, отец лишь сглотнул и, поцеловав мне руку, повел на возвышение, где стояли три кресла. Я мило улыбалась придворным, но видимо, милоты в моей улыбке было слишком много, потому что все отворачивались...».

– Да что она творит? – воскликнул Его Величество, бросая письмо на стол.

– Она развлекается, – пожала плечами вдовствующая королева.

– Я выдам ее замуж за этого неверийца, даже если мне потребуется его подкупить! – Рявкнул король. – И пусть они развлекаются дальше вместе, как хотят!

– Я слышала, что у принца Стича своеобразный характер, – Миневра вновь занялась салфеткой.

– Какой бы у него ни был характер, мне плевать, – заявил Отис, – лишь бы он был добр с моей девочкой!

– Тебя не поймешь, Оти, – вздохнула его мать. – То ты стремишься сбить дочь с рук, то беспокоишься о ее будущем.

– Потому и стремлюсь, что беспокоюсь, – проворчал король. – Надеюсь, дети ее образумят – они кого хочешь образумят!

– Да? – хмыкнула королева, взглянув на него исподлобья. – Кто бы говорил...

Его Величество торопливо подобрал письмо и продолжил чтение.

«Гости уже были в зале, кроме принца и его ближайшей свиты. Представляешь, у их дам в моде ленты, много лент! Они вплетают их в волосы, лентами украшены лифы и рукава платьев, и когда дамы машут руками, они напоминают швабры, которыми матросы моют полы...»

– Интересная мода, – заметила Миневра. – Полагаю, после визита принца в столицу, наши красавицы начнут повсеместно скупать ленты. Хм... Переговорю-ка я завтра с министром легкой промышленности.

«Неверийцы темноволосы, высоки. У них правильные черты лица и очень прямая осанка, из-за чего они производят впечатление людей высокомерных. Однако они приятны в общении и любят шутить, хотя по внешнему виду этого не скажешь. Пожалуй, их юмор для нас слишком ироничен, поскольку наши сограждане прямолинейны, как учительская указка. Но это я поняла позже, во время торжественного обеда. А тогда в зал начали заносить подарки, предназначенные тебе, папочка. Видимо, неверийцы решили, что нужна широкомасштабная рекламная акция, дабы убедить нас в том, что Неверия чтит отношения с нашей любимой родиной.

Про сундуки с золотом и брильянтами писать не буду – скучно. Одним из заинтересовавших меня презентов были напольные часы в деревянном футляре. Когда они в полдень и полночь открывают створки, внутри виден целый город, взбегающий по склону горы. В нем есть королевский замок, у ворот которого регулярно сменяется караул; городские кварталы, где днем по улицам ездят экипажи, а ночью загораются фонари... И даже виселица на площади, представляешь?! Его Светлость сказал мне по секрету, – а ему сказал по секрету Распорядитель неверийского кортежа, – что в полночь на ней появляется висельник. К сожалению, мы увидели только полуденное представление с экипажами, после чего часы унесли. Поэтому подтвердить, правда ли насчет фонарей и висельника, я не могу. Когда створки открываются, часы наигрывают неверийский гимн – на мой взгляд это очень смешно, ведь предполагается, что они будут стоять в твоих, папочка, покоях.

После часов внесли запертую шкатулку из драгоценных пород дерева. Тот самый Распорядитель, которого зовут Дуч Вивер, открывал ее целую вечность ключом, который, по слухам, хранит принц. Когда он, наконец, откинул крышку, нашим глазам предстал бесцветный камень, уютно угнездившийся на бархатной подушке. Держащий шкатулку высокий и худой старик в малиновой мантии, расшитой серебряными полумесяцами, оказался королевским магом с непроизносимым для кармодонца именем, звучавшим как-то вроде: „Навычспырсычер“. Он сообщил (а Вивер перевел), что булыжник, оказывается, величайший магический артефакт под названием „Поцелуй правды“. Если его приложить к голове любого человека, тот раскроет все свои секреты: где прячет деньги, с кем спит по вторникам, а с кем – по субботам, вынашивает ли планы нападения на дружественную державу?... Таких артефактов всего два в мире, и как выясняется, ранее оба принадлежали Неверии! Теперь второй будет у нас, но знаешь что, папочка, если ты уже подумал, как будешь использовать его против меня, сейчас же думай обратно! Стоит только представить, что ты мечтаешь узнать мои тайны, как я вижу твой бюст, – тот, что стоит в кабинете у бабули, – который нечаянно падает на величайший магический артефакт...».

Его Величество почесал в затылке и посмотрел на мать.

– Альви найдет, как его уронить, – не поднимая глаз от салфетки, заметила та. – Так что – не советую. Лучше подумай, как использовать сей чудесный предмет в политических целях. Впрочем, если Кармодон закрепит союз с Неверией браком наследников, нам уже никто не посмеет угрожать.

– Ты права, – вздохнул Отис, – но я боюсь представить, как принц Стич воспримет нашу дочь в бордовом... э-э-э...

– Оттенке? – улыбнулась Миневра. – Если он не дурак, то правильно воспримет. Если дурак, то тут уже ничего не поделаешь.

– И снова ты права, мама, – еще трагичнее вздохнул король. – Как, оказывается, сложно быть отцом!

Вдовствующая королева хмыкнула.

– Ну, дорогой мой, поверь, матерью быть еще сложнее. Особенно матерью короля!

Отис улыбнулся и снова взялся за письмо.

* * *

Честно говоря, мне было совершенно все равно, как там выглядит заморский принц, поскольку меня захватила идея выкрасть Поцелуй правды и хорошенько стукнуть им по голове засранца Онтарио, чтобы понять, наконец, как он относится к Аманде! Потому что я никак не могла этого уяснить – он то собирался жениться на ней, то вел себя так, как будто его заставляют, держа клинок у горла, то заявлял, что все в прошлом. Дьявол побори мужчин, таких загадочных и противоречивых! То ли дело мы, женщины, у нас все ясно и понятно – по настроению. Сегодня люблю, а завтра – люблю другого!

– Графиня Бабакса упоминала о том, что вы привезли из столицы множество платьев, – наклонившись к моему уху, прошептал герцог, – но, увы, вы редко балуете нас новыми нарядами! Надеюсь, принцесса, вы переоденетесь к торжественному обеду? Так ведь и по протоколу положено?

Ананак ележно улыбался, а я восхитилась его коварству – он пытался заставить меня выйти из «образа бордовой розы», прекрасно понимая, что если я сменю платье, то должна буду сменить и макияж.

– Зачем же это, Ваша Светлость? – округлила я глаза. – Неверийцы обожают бордовое! Вы не представляете, какие дебаты шли две тысячи лет назад, когда они решали, какой цвет использовать в качестве фона для государственного флага – бордо или красный. К сожалению, сторонников красного оказалось больше, поэтому сторонники бордового были перебиты.

Слева послышалось странное хрюканье. Покосившись на стоящее там кресло, я увидела, как Онтарио зажимает ладонью рот и отворачивается.

– Откуда вы это знаете, Ваше Высочество? – изумился Ананак.

– Я прилежно изучала историю пограничных государств, – затрепетала я ресницами.

Герцог хотел сказать что-то еще, но тут двери в конце зала распахнулись, и Распорядитель делегации громогласно объявил:

– Его Высочество, наследный принц Неверии, герцог Дуссекский...

Я собиралась дослушать титул до конца, как вдруг услышала шепот Онтарио:

– На вас невозможно сердиться, принцесса, вы знаете об этом?

– И что это значит? – спросила, не поворачивая головы в его сторону.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.